

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

100 ЛЕТ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ:
ОТ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
К ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩЕМУ
СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ

Москва
2022

ББК 63.3 (5) (5 Мо)+(2Р)

С81

*Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственные редакторы
*В. В. Грайворонский, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
К. В. Орлова, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН*

Рецензенты
*Б. Б. Пак, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
Р. Т. Сабиров, канд. ист. наук, ИСАА МГУ*

100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией:
С81 от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому
партнерству [Текст] : сб.ст. / Ин-т востоковедения Рос. акад. наук ;
[отв. ред. В. В. Грайворонский, К. В. Орлова]. — Москва: ИВ РАН,
2022. — 218 с.

ISBN 978-5-907543-83-6

Сборник статей подготовлен по результатам международной конференции, совместно организованной ИВ РАН и Институтом истории и этнологии АН Монголии, и тем самым вносится вклад в развитие научного взаимодействия двух стран. В сборник вошли статьи российских и монгольских авторов, которые анализируют основные моменты истории и современного состояния взаимоотношений России и Монголии; перспективы всеобъемлющего стратегического партнерства; проблемы и новые проекты торгово-экономических отношений; сотрудничество в гуманитарной области (образование, наука, культура).

ББК 63.3 (5) (5 Мо)+(2Р)

ISBN 978-5-907543-83-6

© Авторы, 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Содержание

Приветствия.....	5
Предисловие	12
Грайворонский В. В. Россия и Монголия: 100 лет вместе по пути дружбы и сотрудничества	18
Курас Л. В., Цыбенов Б. Д. Отдавая дань памяти и уважения: о деятельности российского дипломата, уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека в 1920–1921 гг.	34
Кузьмин С. Л. О дипломатических отношениях между Россией и Монголией до и после 1921 г.	52
Цыренова Н. Д. История начального периода российско-монгольских отношений по материалам архивного документа «Соглашение об аренде земельных участков российскими подданными в Автономной Внешней Монголии».....	66
Воронцов А. В. Российско-монгольское сотрудничество в многосторонних инфраструктурных форматах.....	77
Батунаев Э. В. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства (история и современность)	90
Алтай Дулбаа. Монголо-российское сотрудничество в сфере научных исследований на современном этапе	107
Дэмбэрэл Коля. «Монгольский мир» в монголо-российских отношениях	132
Кушхов Б. Х. Роль Монгольского революционного союза молодежи в политике советской России и Коминтерна в Монголии (1921–1925)	143

Смирнов Н. Ю. Открывая древнюю Монголию: научные исследования Г. И. Боровки и С. А. Теплоухова в Монголии в 1920-х гг. Новые архивные материалы.....	153
Носов Д. А. «В город Ургу, в распоряжение Ученого Комитета»: студенты Ленинградского Восточного Института в Монголии	168
Кокоулин В. Г. Битва на Халхин-Голе в исторической памяти советской и постсоветской России	182
Бойкова Е. В. Помощь Монголии Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны (по материалам Российского государственного архива кинофотодокументов)	194
Цеденова С. Н. Тема Великой Отечественной войны в монгольской литературе	202
Сведения об авторах.....	214
About the Authors.....	216

Приветствия
Советника-посланника Посольства Монголии
в Российской Федерации Д. Унубилэг
Директора Института истории и этнологии МАН Ц. Цэрэндоржа
Директора Института международных
исследований МАН Д. Золбоо

**«МОНГОЛ, ОРОСЫН ХООРОНДЫН ДИПЛОМАТ
ХАРИЛЦААНЫ 100 ЖИЛ: НАЙРАМДАЛТ
ХАРИЛЦААНААС ИЖ БҮРЭН СТРАТЕГИЙН
ТҮНШЛЭЛ» СЭДЭВТ ОЛОН УЛСЫН ЭРДЭМ
ШИНЖИЛГЭЭНИЙ ХУРЛЫН НЭЭЛТЭД ХЭЛЭХ ҮГ**

2021 оны 10 дугаар сарын
20-ны өдөр

хот Москва

Уважаемый Аликбер Калабекович,
Уважаемые монголоеды, участники и гости
Международной конференции,
Дорогие друзья!

Позвольте поприветствовать Вас по случаю открытия Международной научной конференции «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству», посвященной 100-летию дипломатических отношений между нашими странами, и хочу выразить от имени Посольства Монголии в Российской Федерации и от себя лично глубокую благодарность и признательность организаторам и участникам этой конференции.

100-летие установления дипломатических отношений между Монголией и Россией это, бесспорно, является крупным знаменательным событием в истории развития современной Монголии.

Российско-монгольские отношения опираются на многолетнюю историю двустороннего взаимодействия, отличаются традиционным добрососедством, носят всеобъемлющий характер, ориентированы на дальнейшее развитие в духе стратегического партнерства.

5 ноября 1921 г. в Москве был подписан Договор об установлении дружественных отношений между Монголией и Россией, заложивший основу взаимоотношений между нашими странами. И уже целое столетие Монголию и Россию связывают узы добрососедства и доверительности на основе равноправия и взаимного уважения. Век – огромный срок не только для человека, но и в масштабах истории государств. За столетие многое переменилось в нашей стране, в России и в мире. Экономические взлеты сменяются кризисами, технические новинки полностью меняют наш образ жизни, забота о будущем поколении и о стране поглощают все наше время...

Мы как близкие соседи делили трудности в годы суровых испытаний и успехи в мирные дни.

Восстановление суверенитета Монголии и признание Россией этого важнейшего для нашей страны события стали крепким фундаментом тесных контактов. Прошедшие за столетие события корнями истории связали наши дружественные отношения.

В 1939 году звуки первых выстрелов будущей Великой войны прозвучали на восточных границах Монголии, на реке Халхин-Гол. Согласно договоренностям, Красная армия поспешила на помощь, и наши бойцы, сражаясь плечом к плечу, одержали победу в битве. Считаю, что эта победа была решающей и имела важное военно-стратегическое значение, не только остановив Японию, которая к тому времени полностью укрепилась в северной части Китая, но и впоследствии дала возможность Красной армии сосредоточить силы против фашистской Германии.

Именно эти добрые традиции, основанные на совместных усилиях и искренних чувствах дружбы и взаимной симпатии народов Монголии и России, предопределяют развитие наших взаимоотношений.

В основополагающих документах внешней политики Монголии, таких как Концепция национальной безопасности, Концепция внешней политики, указано, что углубление и развитие добрососедских

отношений с Российской Федерацией являются одним из приоритетных направлений внешней политики нашей страны.

В начале 1990-х гг. совместными усилиями мы перестроили взаимоотношения на новой основе с учетом изменений, произошедших в России и в Монголии. В 1993 году наши страны подписали Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве, а осенью 2019 года вместе вывели монголо-российские отношения на новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Монголией и Российской Федерацией, подписанный 3 сентября 2019 года Президентом Монголии Х. Баттулгой и Президентом В. В. Путиным в Улан-Баторе, является бессрочным базовым документом, регулирующим все аспекты наших двусторонних взаимоотношений. В ходе визита министра иностранных дел Монголии Н. Энхтайвана в Российскую Федерацию в 2020 году стороны обменялись ратификационными грамотами, и Договор вступил в силу, ознаменовав начало нового этапа наших отношений. Подчеркну: между Россией и Монголией нет нерешенных политических проблем.

Также за последние годы между Монголией и Россией было заключено более 280 договоров и соглашений. Появилась возможность активного участия российского частного капитала в инвестировании экономики Монголии.

В годы социализма в рамках деятельности Совета экономической взаимопомощи бурно развивались торгово-экономические отношения между нашими странами. Были достигнуты существенные успехи в области строительства и градостроительства, воздвигнуты объекты энергетики, построены заводы и комбинаты, созданы горнорудная, легкая и пищевая промышленности, системы здравоохранения и образования. Большое полотно видится на отдалении: значение эпохи понимаешь, оглядываясь с расстояния нескольких десятилетий. Освобождая от идеологической шелухи достижения времен социалистического созидания в Монголии, мы уверенно можем сказать, что тогда закладывался фундамент дня сегодняшнего.

Сейчас мы успешно развиваем межпарламентские связи, активизируем контакты по линии различных ведомств; двусторонние отношения обретают прагматизм, обеспечивая взаимную выгоду. Посольство

Монголии в Российской Федерации всецело выступает за дальнейшее расширение сотрудничества с Россией и ее субъектами в самых разных областях. Главные наши усилия направлены на обеспечение роста взаимной торговли и развитие инвестиционной деятельности.

На данный момент активно ведутся исследовательские работы по проекту строительства газопровода, соединяющего Россию с Китаем по территории нашей страны.

За два года число монгольских абитуриентов, поступающие в российские вузы за счет бюджетных ассигнований от Правительства РФ, увеличился на 20 процентов. В 2022–2023 учебном году 600 монгольских абитуриентов поступят в российские вузы за счет бюджетных ассигнований, а в общей сложности каждый год за счет бюджетных ассигнований, целевого набора и договорной основы поступают около 1000 студентов.

За первые восемь месяцев 2021 года товарооборот между двумя странами достиг 1,4 миллиарда долларов, что на 35 процентов больше, чем годом ранее.

Дорогие друзья!

Я очень горжусь и высоко ценю, что организаторами конференции стали ведущие научные центры по изучению истории нашей страны – это Институт востоковедения Российской академии наук и Институт истории и этнологии Монгольской академии наук.

Также я очень рад тому, что в международной научной конференции «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» участвуют ведущие монголоеды России, а также уважаемые и авторитетные ученые из Монголии. С гордостью хочу отметить, что темы обсуждения и состав участников конференции выражает нынешний высокий уровень монголоведения и будущее развитие.

Убежден, конференция пройдет успешно, а материалы и рекомендации будут востребованы в научно-образовательной деятельности.

Желаю вам успехов и удачно провести научную конференцию.

Благодарю за Ваше внимание.

Советник-посланник Посольства Монголии в РФ Д. Унубилэг.

УВАЖАЕМЫЕ ОРГАНИЗАТОРЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ!
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ!

От имени дирекции и коллектива Института истории и этнологии Академии наук Монголии поздравляю Вас, участников Международной научной конференции «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» и выражаю искреннюю признательность всем российским коллегам за помощь в организации и за личное и за дистанционное участие в конференции.

Приятно отметить, что сотрудничество между нашими институтами носит традиционный характер и за последние годы наши институты успешно организовали международные научные конференции по вопросам истории Монголо-Российских отношений и сотрудничества на современном этапе.

В этом году наше совместное мероприятие посвящено 100-летию установления дипломатических отношений между Монголией и Россией и проводится при поддержке МИД Монголии, МИД РФ, Посольства Монголии в РФ, Российского общества монголоведов, Общества друзей Монголии.

Мы глубоко уверены в том, что в настоящей конференции, где участвуют ведущие специалисты, работающие в различных отраслях Монголо-Российских отношений, будут рассмотрены как малоизученные вопросы в вековых отношениях между Монголией и Россией, так и актуальные проблемы перехода Монголо-Российских отношений от дружественных к всеобъемлющему стратегическому партнерству. По своим итогам, конференция даст оценку по основным вехам Монголо-Российских отношений и определит перспективы их дальнейшего развития.

Придавая особое значение нашему научному мероприятию, позвольте пожелать Вам всем плодотворной работы, больших научных свершений и главное крепкого здоровья в наше столь непростое время.

Директор Института истории и этнологии МАН Ц. Цэрэндорж.

Организаторам, участникам и гостям
Международной научной конференции
«100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией:
от дружественных отношений
к всеобъемлющему стратегическому партнерству»
20–21 октября 2021
Москва ИВ РАН

Уважаемые друзья-монголоеды!

Дорогие коллеги,

От имени Института международных исследований Академии наук Монголии, и от себя лично, хочу поздравить наших уважаемых российских коллег со знаменательной датой – 100-летием установления дипломатических отношений между Россией и Монголией.

100-летний юбилей установления дипломатических отношений между двумя странами свидетельствует о взаимном стремлении развивать двустороннее сотрудничество во всех сферах общественной жизни, в том числе и в научно-исследовательской деятельности. Приятно отметить, что академические Институты Академий РФ и Монголии на протяжении многих лет активно сотрудничают друг с другом, о чём свидетельствуют коллективные труды совместных историко-археологической, биологической, геологической, палеонтологической экспедиций, многочисленные монографии и новые научные открытия. Неоценимый вклад внесли российские учёные в подготовке национальных научных кадров Монголии.

Наш Институт, созданный в 1968 году, с конца прошлого столетия перепрофилировался на изучение страноведения и международные исследования, так в 2000 году был создан Сектор Россиеведения, который активно сотрудничает с учёными-монголоведами России, в том числе и с коллегами Института Востоковедения РАН. В ходе выполнения совместных научно-исследовательских грантов, наши учёные выпустили ряд коллективных монографий, в которых по-новому проанализированы монголо-российские взаимоотношения, раскрыты ранее недоступные темы и аспекты. Мы весьма признательны, что в скором

времени выйдет в свет «Энциклопедия монголо-российских взаимоотношений», охватывающая большой исторический период с середины XVII века до сегодняшних дней. Приятно отметить, что в создании этой большой Энциклопедии приняли участие россияне нашего Института совместно с ведущими российскими-монголоведами.

Институт международных исследований АН Монголии активно участвует в организации всех мероприятий, приуроченных к 100-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. Россияне нашего института выступили с докладами в более 10 международных научных конференциях, состоявшихся в Иркутске, Улан-Удэ, Кяхте, Владивостоке, а также в Улаанбаатаре. При поддержке МИД Монголии ИМИ АН Монголии организует 2 ноября этого года научно-практическую конференцию с участием ведущих россиян Монголии, дипломатов, представителей широкой научной общественности. В декабре ежегодная научная конференция ИМИ АН Монголии страноведению будет посвящена теме развития Россияведения в Монголии. Отдел Россияведения в Монголии нашего института выпустил к юбилею Второй том Сборника документов, относящихся к теме монголо-российских отношений в период с 2005–2020 гг.

Пользуясь случаем, хочу пожелать успехов в работе конференции. Из Программы видно, что будут представлены интересные доклады по широкому спектру вопросов монголоведения, которые будут представлять как ведущие монголоведы, так и молодые специалисты из разных научных центров РФ.

В заключении, хочу передать большой привет нашим многоуважаемым друзьям-монголоведам из Отдела Монголии и Кореи, всему коллективу ИВ РАН по случаю знаменательной даты – 100-летия установления дипломатических отношений между Монголией и РФ,

Пусть крепнет впредь наше сотрудничество, которое составляет важную компоненту во всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Монголией и РФ.

Директор Института Международных исследований МАН Д. Золбоо.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2021 г. в России и Монголии широко отмечалась 100-летняя годовщина установления двусторонних дипломатических отношений между правительствами РСФСР и Народной Монголии. Внешнеполитические ведомства Российской Федерации и Монголии разработали и реализовали обширный план совместного празднования юбилея. 2021-й год для Монголии и российско-монгольских отношений был также знаменателен другими важными юбилейными датами: 100-летьем победы национально-демократической революции; 100-летьем образования первой политической партии в Монголии – Монгольской народной партии; 100-летьем создания Монгольской народно-революционной армии; 100-летьем основания Ученого комитета – прообраза современной Академии наук Монголии; 60-летьем принятия МНР в члены ООН; 40-летьем совместного полета советско-монгольского экипажа в космос и др.

Все эти даты тесно связаны со знаковым событием в истории взаимоотношений двух стран – подписанием 5 ноября 1921 г. в Москве Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией, заложившего правовые основы двусторонних отношений. С тех пор день 5 ноября 1921 г. официально признан датой установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. История подготовки и заключения Соглашения хорошо исследована в научных трудах советских/российских, монгольских и западных ученых. В соответствии с Соглашением были взаимно признаны законными правительства обоих государств, установлены официальные дипломатические отношения, произведен обмен полномочными представителями и консулами. Посольство Монголии в Москве было открыто 30 мая

1922 г. Правительство РСФСР заявило об отказе от всех экономических привилегий, полученных царским правительством от правительства Автономной Монголии. Дополнительно к Соглашению были подписаны Протоколы, в соответствии с которыми прежние заключенные договоры и соглашения между Российской империей и Автономной Монголией и долги были аннулированы, правительство РСФСР безвозмездно передало правительству Монголии часть российского имущества, находившегося на территории Монголии, и предоставило кредит. Впервые в новых исторических условиях, сложившихся после Октябрьской революции 1917 г. в России и национально-демократической революции в Монголии 1921 г., были установлены равноправные, дружественные, добрососедские взаимоотношения. Главная особенность российско-монгольских отношений состоит в том, что именно после 1921 г. исторические судьбы народов России и Монголии оказались исключительно тесно связанными, переплетенными на протяжении 100 с лишним лет, особенно в первые 70 лет (1921–1991), период уникального исторического эксперимента по строительству социалистического общества в России и других странах, в том числе в Монголии – особым, «некапиталистическим» путем.

В юбилейный год в обеих странах были проведены многочисленные мероприятия, в том числе международные научные конференции в Москве, Улан-Баторе, Санкт-Петербурге, Иркутске, Улан-Удэ, Кяхте, Элисте, Владивостоке, Ярославле и других городах, а также выставки фото- и архивных документов, эстафета дружбы «Мы вместе» между городами России и Монголии и др. Совместное празднование памятных дат послужило мощным стимулом для информационного освещения и укрепления российско-монгольской дружбы и сотрудничества, активизации традиционного, плодотворного научного сотрудничества, демонстрации достижений российского монголоведения. Одним из таких крупных совместных научных мероприятий стала международная научная конференция «Россия и Монголия: от дружественных отношений к комплексному стратегическому партнерству», организованная

Институтом востоковедения РАН совместно с Институтом истории и этнологии АН Монголии 20–21 октября 2021 г. на базе ИВ РАН.

По результатам проведенной международной конференции подготовлен сборник статей «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству», в котором освещается вековая история взаимоотношений России и Монголии и вносится посильный вклад в развитие научного взаимодействия двух стран. В представленных исследованиях авторы анализируют переломные моменты истории Монголии; перспективы всеобъемлющего стратегического партнерства; проблемы и новые проекты торгово-экономических отношений; сотрудничество в гуманитарной области (образование, наука, культура).

Открывает сборник статья д.и.н., зав. сектором Монголии Отдела Кореи и Монголии В. В. Грайворонского, в которой рассмотрены вопросы истории советско/российско-монгольских отношений в аспекте договорно-правового оформления двусторонних отношений в течение века до настоящего времени. Как считает исследователь, вековая история российско-монгольских дипломатических отношений свидетельствует, что благодаря установлению дипломатических отношений с Россией и при опоре на ее всестороннюю помощь Монголия сумела восстановить свою национальную государственность, добиться международного признания своей независимости и суверенитета, сохранить самобытную национальную культуру, создать многоотраслевую экономику, национальную промышленность, государственную систему здравоохранения, образования, науки, социальной помощи, стать полноправным членом современного международного сообщества, сохранить дружественные отношения и всестороннее сотрудничество с Россией и поднять их на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. В фокусе внимания д.и.н. С. Л. Кузьмина стали дипломатические отношения между Россией и Монголией до и после 1921 г. Он считает, что дату установления дипломатических отношений между Россией и Монголией следует отсчитывать

не с 5 ноября 1921 г., а с 3 ноября 1912 г., когда было подписано русско-монгольское Соглашение о дружбе между уполномоченным представителем Российской империи И. Я. Коростовцом и премьер-министром и министрами правительства вновь провозглашенного государства Монголия. Кроме того, Соглашение 1921 г. устанавливало открытие дипломатических представительств в двух странах, и оно рассматривается как фактическое «возобновление» двусторонних отношений на новой основе.

В совместной статье д.и.н., проф. Л. В. Кураса и к.и.н. Б. Д. Цыбенова на основе новых архивных материалов из российских и зарубежных архивов рассматривается деятельность уполномоченного наркомата иностранных дел РСФСР в Монголии О. И. Макстенека в 1920–1921 гг., сыгравшего одну из ключевых ролей в организации национально-освободительного движения во Внешней Монголии, подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г. и последующем государственном строительстве в Монголии. Месту и роли Монгольского революционного союза молодежи (МРСМ) в политике советской России и Коминтерна в революционных событиях в Монголии в 1921–1925 гг. посвящена статья Б. Х. Кушхова. Интересную, дискуссионную попытку дать собственное, оригинальное определение понятия «монгольский мир» и проанализировать пять факторов его положительного влияния на развитие монголо-российских отношений предпринял монгольский историк, к.и.н. Коля Дэмбэрэл. Информационно насыщенная, новаторская статья А. В. Воронцова посвящена определению места и роли российско-монголо-китайского экономического взаимодействия в общей системе многочисленных международных многосторонних инициатив, выдвинутых в последние годы ведущими державами (Россия, Китай, США, Япония, Республика Корея и др.) на примере Программы создания экономического коридора Россия–Монголия–Китай. По его мнению, данная трехсторонняя программа реализуется не в «безвоздушном пространстве», а в плотной конкурентной среде взаимодействия с многочисленными региональными инициативами, выдвинутыми другими

близкими и дальними соседями России. Поэтому автор счел целесообразным кратко рассмотреть основные глобальные экономические инициативы с учетом роста напряженности в мире в настоящее время и констатировал, что трехстороннее российско-монгольско-китайское сотрудничество в инфраструктурных форматах имеет благоприятные шансы для дальнейшего расширения и прогресса. В статье к.и.н. Э. В. Батунаева рассмотрены актуальные вопросы истории и современного состояния российско-монгольских отношений с акцентом на современный этап после 1990 г.

Важным направлением двустороннего взаимодействия являются научные связи. Различным аспектам этой важнейшей темы посвящены статьи PhD Алтай Дулба, к. филол. н. Д. А. Носова, к.и.н. Н. Ю. Смирнова. В статье Д. Алтай дан анализ современного состояния, достижений и нерешенных вопросов развития двустороннего научного и научно-технического сотрудничества в области естественных и общественных наук. В статье Д. А. Носова на примере трех студентов Ленинградского Восточного института В. А. Казакевича, Ц.-Д. Номинханова и Л. С. Пучковского, направленных на стажировку в Монголию в 1923–1930 гг. и впоследствии ставшими известными монголоведами, показано, в каких трудных финансовых, кадровых и бытовых условиях им приходилось работать, сочетать научно-исследовательскую работу с работой в практических советских и монгольских организациях. В статье Н. Ю. Смирнова даны описание и анализ новых данных (документы, полевые дневники археологов С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки, фотоснимки), выявленных автором в архиве Российского этнографического музея и отражающих деятельность первых советских исследователей археологии Монголии в 1920-е гг.

Заслуживает отдельного внимания статья д.и.н., проф. В. Г. Кокоулина, который на примере событий на Халхин-Голе проанализировал вопросы эволюции исторической памяти о советско-монгольских отношениях. В качестве источников для анализа взяты учебники истории, публицистика о советско-монгольских отношениях, документальные и художественные кинофильмы,

посвященные событиям на Халхин-Голе. Автор приходит к выводу, что историческая память о советско-монгольских отношениях в значительной степени зависит от основных тенденций официальной политики исторической памяти в позднесоветской и постсоветской России.

К. и. н. Е. В. Бойкова на основе изучения уникальных кинофото документов, хранящихся в Российском Государственном архиве кинофото документов (РГАКФД), показала, какую большую материальную помощь Монгольская Народная Республика оказала Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

В представленных статьях авторы анализируют переломные моменты истории Монголии и российско-монгольских отношений, проблемы и перспективы научного сотрудничества, двусторонние дипломатические отношения, вопросы современного монголоведения. В целом, сборник статей российских и монгольских ученых вносит достойный вклад в дальнейшее углубление изучения истории и современного состояния российско-монгольских отношений, в развитие научного взаимодействия двух стран.

Следует отметить, что статьи, вошедшие в сборник, отражают личную точку зрения их авторов.

Надеемся, что сборник статей будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

В. В. Грайворонский, К. В. Орлова

Россия и Монголия: 100 лет вместе по пути дружбы и сотрудничества

Грайворонский Владимир Викторович

Институт востоковедения РАН

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы истории договорно-правового оформления двусторонних отношений в течение 100 лет, Соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Народной Монголией от 5 ноября 1921 г., Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР (1936), договоры о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве (1946, 1966), Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Монголией (1993), Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией (2019) и др.

Ключевые слова: Россия, Монголия, договорно-правовая база отношений, Соглашение об установлении дружественных отношениях между Россией и Монголией (1921), Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве (2019) и др.

Russia and Mongolia: 100 years together on the path of friendship and cooperation

Vladimir V. Grayvoronskiy

Institute of Oriental Studies of the RAS

Abstract: The article examines the issues of the history of contractual and legal formalization of bilateral relations over 100 years, the Agreement on the Establishment of Friendly Relations between the RSFSR and the People's Mongolia of November 5, 1921, the Protocol on Mutual Assistance between the USSR and the MNR (1936), the treaties on Friendship, mutual Assistance and Cooperation (1946, 1966), the Treaty on Friendly Relations and Cooperation between the Russian Federation and Mongolia (1993), the Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia (2019), etc.

Key words: Russia, Mongolia, the legal framework of relations, the Agreement on the Establishment of Friendly Relations between Russia and Mongolia (1921), the Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership (2019), etc.

История русско/российско-монгольских отношений насчитывает около 800 лет, начиная с монгольского нашествия на Древнюю Русь в первой половине XIII в. Однако последние 100 лет (1921–2021 в.) занимают особое место в многовековой истории отношений между Россией и Монголией. В бурном, революционном XX в. в России и Монголии произошли несколько революций, в том числе в России четыре: первая революция в 1905–1907 гг., Февральская и Октябрьская революции в 1917 г., распад СССР в 1991 г., смена общественно-политического строя, выход Российской Федерации на историческую арену. В Монголии произошли три революции: национально-освободительная в 1911 г., национально-демократическая в 1921 г., мирная, демократическая в 1990 г. Каждая из этих революций, за исключением, пожалуй, революции 1905–1907 гг. в России, оказала существенное влияние на характер, содержание, формы и последствия отношений между Россией и Монголией, становилась новой, важной вехой в истории двусторонних отношений.

В 2021 г. в соответствии с договоренностью между руководителями России и Монголии в обеих странах совместно и широко отмечалась 100-летняя годовщина установления дипломатических отношений. Несмотря на жесткие ограничения, вызванные распространением пандемии Covid-19, в обеих странах были проведены многочисленные мероприятия, в том числе более 10 международных научных конференций в Москве, Улан-Баторе, Санкт-Петербурге, Иркутске, Улан-Удэ, Кяхте, Элисте, Владивостоке, Ярославле и других городах, а также выставки фото- и архивных документов, эстафета дружбы «Мы вместе» между городами России и Монголии и др. Совместное празднование этой и других памятных дат, включая 100 лет Монгольской национально-демократической революции 1921 г., 100 лет образования первой политической партии в Монголии – Монгольской народной партии, 100 лет создания Монгольской народной армии, 100 лет создания первого научного учреждения в Монголии – Ученого комитета (Судар бичгийн хүрээлэн), 60 лет учреждения Академии наук,

40 лет совместного полета советско-монгольского экипажа в космос и др., послужило мощным стимулом для информационного освещения и укрепления российско-монгольской дружбы и сотрудничества, для активизации и расширения традиционного, плодотворного двустороннего научного сотрудничества, для демонстрации достижений и слабых мест российского монголоведения. Одним из таких крупных совместных научных мероприятий была международная научная конференция «Россия и Монголия: от дружественных отношений к комплексному стратегическому партнерству», организованная Институтом востоковедения РАН совместно с Институтом истории и этнографии АН Монголии 20–21 октября 2021 г. на базе ИВ РАН. Только в этой одной конференции приняли очное и заочное участие около 40 российских и монгольских ученых.

5 ноября 2021 г. исполнилось 100 лет со дня подписания в Москве «Соглашения между правительствами РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией» [Советско-монгольские отношения 1975: 58–63]. Этот день официально признан датой установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. Первое межправительственное соглашение между Советской Россией и новой, революционной Монголией и три дополнительных протокола к нему, включая один секретный, были подписаны по итогам первого официального визита делегации Народной Монголии в Советскую Россию и переговоров между полномочными делегациями обеих стран. Монгольскую делегацию возглавлял вице-премьер правительства, министр финансов, председатель Монгольской народной партии (МНП) С. Данзан, в состав делегации также вошли главком, военный министр Д. Сухэ-Батор, заместитель министра иностранных дел Б. Цэрэндорж, а также князь Эрдэнийн Жонон–ван Ширниндамдин, доверенное лицо теократического монарха Богдо-хана Джебдзундамба-хутухты VIII. Переводчиком был бурят Эрдэнэ Батухан (Н. Ф. Батуханов), который вскоре стал министром просвещения в правительстве

Народной Монголии. В тот момент состав делегации отражал расстановку основных политических сил в Монголии – представителей новой политической силы – Монгольской народной партии и старой власти – правительства Богдо-хана.

Советскую Россию на переговорах представляли заведующий Дальневосточным отделом Народного комиссариата иностранных дел РСФСР С. И. Духовской и сотрудник НКВД Б. Ф. Гец. Секретарем делегации был Л. Е. Берлин, переводчиком Очиров. Председатель Советского правительства В. И. Ленин принял монгольскую делегацию и имел с ней беседу. Большую роль в подготовке и подписании Соглашения сыграл Б. З. Шумяцкий.

Переговоры проходили в течение 10 дней в дружественной, но, по свидетельству очевидцев, весьма напряженной обстановке. Всего состоялось 5 заседаний. Споры и дискуссии по некоторым вопросам иногда носили весьма острый характер. По свидетельству Б. З. Шумяцкого, который официально не входил в состав российской делегации, но принимал активнейшее участие в организации приезда и приема монгольской делегации, в подготовке и проведении переговоров, в подписании Соглашения и протоколов, один раз переговоры находились на грани срыва. Несмотря на разногласия, стороны сумели договориться и подписать соглашение, которое предопределило характер двусторонних отношений на 100 с лишним лет вперед и по этой причине по праву считается историческим. На протяжении всех прошедших 100 лет эта дата всегда отмечалась и отмечается как общепризнанная дата установления официальных дипломатических отношений между Россией и Монголией.

В подписанных документах стороны официально заявили, что прежние договоры и соглашения, которые ранее были заключены между правительством Российской империи и бывшим правительством Автономной Монголии, утратили свою силу, и договорились заключить новое соглашение. Это было первое соглашение между правительством молодой Советской России и недавно образованным правительством Народной Монголии, в которой

всего лишь 4 месяца назад, 11 июля была провозглашена победа народной революции.

Стороны взаимно признали действующие на тот момент правительства в Советской России и в Народной Монголии единственно законной властью в этих странах. Впервые в истории российско-монгольских переговоров на правительственном уровне с конца XIX в. стороны договорились о взаимном обмене официальными дипломатическими представителями в столицы и консулами в отдельные города обеих стран. В этом состояло принципиальное отличие данного Соглашения от Русско-Монгольского соглашения о дружбе, подписанного 10 лет назад, 3 ноября–21 октября 1912 г. между правительством Российской империи и правительством Богдо-ханской (Автономной) Монголии [Российско-монгольское военное сотрудничество 2019: 28–31].

Стороны также обязались «не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против другой Стороны..., запретить ввоз, размещение или провоз через свою территорию оружия, предназначенное для борьбы против другой Стороны [Советско-монгольские отношения 1975: 58–61]. Это одно из основных, важнейших обязательств, которое последовательно входило во все двусторонние договора и соглашения, заключенные в последующие годы.

Соглашение от 5 ноября 1921 г. имело важное политическое и экономическое значение для обеих стран. В нем были заложены правовые основы для равноправных, дружественных отношений между Россией и Монголией в новых исторических условиях. Особое значение Соглашения для Монголии состояло в том, что оно было первым за последние 200 с лишним лет международным соглашением возродившегося государства Монголия с одной из ведущих держав того времени – Советской Россией, которая первой официально признала Народную Монголию в качестве самостоятельного, независимого государства. Как известно, в 1912 г. правительство Российской империи признало правительство Богдо-хана

Автономной Монголии, но отказалось признать независимость Монголии от Китая. Тем самым Советская Россия прорвала негласный сговор ведущих держав того времени, которые внимательно следили, но официально не реагировали на революционные события в Монголии, на провозглашение независимости Монголии от Китайской республики и создание самостоятельного независимого государства Монголия во главе с теократическим монархом Джебдзундамба-хутухтой VIII, включая официальное обращение правительства Богдо-ханской Монголии к правительствам ведущих держав признать ее независимость и установить дипломатические отношения. Подписание первого советско-монгольского Соглашения создало предпосылки для дальнейшего укрепления внутреннего и международного положения молодого монгольского государства, стало одним из первых, важнейших шагов на длительном и сложном пути международного признания Монголии в качестве суверенного, независимого государства. Это Соглашение достаточно широко известно, подробно изучено во многих работах российских, монгольских и зарубежных историков.

Главная особенность российско-монгольских отношений в прошедшем столетии, на наш взгляд, состоит, прежде всего, в том, что именно в этот период исторические судьбы народов России и Монголии оказались исключительно тесно взаимосвязанными, переплетенными на протяжении всех 100 с лишним лет, особенно в первые 70 лет (1921–1991), период уникального исторического эксперимента по строительству социалистического общества в России и других странах, в том числе в Монголии – особым, сокращенным, «некапиталистическим» путем.

Прошедшие 100 лет двусторонних отношений можно условно, но достаточно определенно разделить на два крупных периода: первый – с 1921 по 1992 г. (71 год), второй – 1992 г. – настоящее время (почти 30 лет). Первый период (1921–1992 гг.) – период взаимного сближения, взаимного изучения, налаживания взаимопонимания, поиска форм взаимодействия и сотрудничества между Советской Россией и Монголией (с 1924 г. – МНР) на основе общей идеологии,

совпадения части национальных интересов, передачи советского опыта партийного, политического, оборонного, экономического и культурного строительства, совместных усилий по реализации на практике советского проекта строительства социализма в СССР, Монголии и других странах, период усиления политического, экономического, военного и культурного влияния СССР на МНР, с одной стороны, а также постепенного нарастания системного политического и экономического кризиса в обеих странах, завершившегося распадом Советского Союза в 1991 г., победой мирной, демократической революции в Монголии в 1990 гг., период временного спада двусторонних отношений, с другой стороны. На первом этапе идеи и принципы Соглашения от 5 ноября 1921 г. нашли свое подтверждение и развитие в таких основополагающих документах, как Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 г. [Протокол: 136–137], Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР от 27 февраля 1946 г. [Договор о дружбе и взаимной помощи], Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР от 27 февраля 1946 г. [Соглашение об экономическом сотрудничестве], Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР от 15 января 1966 г. [Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи]. В каждом из этих договоров и соглашений нашли отражение те большие изменения, которые произошли в СССР, МНР и в мире ко времени их подписания.

На этом новом, революционном, неизведанном, тернистом, сложном пути народы России/СССР и Монголии совместно преодолели немалые трудности и испытания, добились больших успехов в социально-экономическом и культурном развитии. СССР и МНР совместно отстаивали свою свободу и независимость от японо-маньчжурских агрессоров в боях на р. Халхин-Гол в 1939 г., от немецких фашистов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и на заключительном этапе Второй мировой войны (1945). Народы СССР/России и Монголии совместно испытали как радость и гордость от больших побед и достижений,

так и горечь от неудач, поражений, необоснованных политических репрессий, разочарование от крушения прежних идеалов. Этот период закончился в начале 1990-х гг., когда «перестройка» в обеих странах завершилась крахом советской модели построения социализма, распадом СССР, революцией в Монголии, нарушением системы многолетних, всесторонних советско-монгольских отношений.

Второй период (1992 – по настоящее время, 30 лет) – это период реформирования, адаптации двусторонних отношений к новым историческим, политическим и социально-экономическим реалиям на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Новый, современный этап российско-монгольских отношений начался 20 января 1993 г., когда в ходе официального визита первого президента Монголии П. Очирбата по приглашению президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в Москве был подписан новый Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Монголией. Стороны договорились, что в своих отношениях они будут «руководствоваться принципами уважения суверенитета и независимости, суверенного равенства, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и основных свобод, равноправия, права народов распоряжаться своей судьбой, добросовестного выполнения обязательств, добрососедства, партнерства и сотрудничества» [[http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)]. В последующие годы эти принципы и основные направления сотрудничества и стратегического партнерства были подтверждены и развиты в таких важных совместных документах, как Улан-Баторская декларация от 13 ноября 2000 [[http:// www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru)], Московская декларация от 08 декабря 2006 [www.kremlin.ru], Декларация о развитии стратегического партнерства между РФ и Монголией от 25 августа 2009 [[http:// www.mongolia.mid.ru](http://www.mongolia.mid.ru)], Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией от 3 сентября 2019

[[http:// www.publication.pravo.gov.ru](http://www.publication.pravo.gov.ru)]. В каждом из этих документов был обобщен опыт двустороннего взаимодействия и определены основные направления его дальнейшего развития.

Следует особо отметить значение нового межгосударственного Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией. Этот договор был подписан президентом России В. В. Путиным и президентом Монголии Х. Баттулгой в Улан-Баторе 3 сентября 2019 г. в ходе официального визита президента России в Монголию по приглашению президента Монголии для участия в мероприятиях, посвященных 80-летию совместной победы советско-монгольских войск в боях на р. Халхин-Голе в 1939 г. Значение этого договора состоит в том, что, во-первых, он аккумулировал и развил все основные положения Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве от 20 января 1993 г., а также последующих совместных документов, включая Улан-Баторскую (2000), Московскую (2006), Улан-Баторскую-2 (2009) декларации, во-вторых, этот Договор официально закрепил вывод двусторонних отношений на новый, более высокий уровень – всеобъемлющего стратегического партнерства, в-третьих, это первый бессрочный договор между Россией и Монголией, что подчеркивает его долгосрочный, стратегический характер. В настоящее время Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией служит основным, рамочным правовым документом, регулирующим отношения между нашими странами во всех областях. Договор состоит из преамбулы и 21 статьи. Статья 1 Договора гласит: «Стороны рассматривают друг друга как дружественные, равноправные и суверенные государства и будут взаимодействовать на основе взаимного доверия, исторически традиционных добрососедских отношений, всеобъемлющего стратегического партнерства и всестороннего взаимовыгодного сотрудничества». В данной статье отчетливо прослеживается прямая преемственность между Соглашением об установлении

дружественных отношений от 5 ноября 1921 г. и всеми последующими договорами и соглашениями.

В новом договоре Россия и Монголия подтвердили свою приверженность основным принципам и нормам современного международного права: суверенное равенство государств, неприменение силы или угрозы силой, невмешательство во внутренние и внешние дела государств, мирное разрешение международных споров, добросовестное выполнение обязательств по международному праву, территориальная целостность, неприкосновенность и нерушимость границ, уважение прав человека, равноправие и право народов на самоопределение. Россия и Монголия подтвердили свои обязательства не участвовать в блоках или военно-политических союзах, направленных друг против друга, не заключать с третьими странами договоров, противоречащих интересам суверенитета и независимости другой стороны, будут воздерживаться от участия в действиях, направленных против другой Стороны (ст. 4).

Одним из ключевых моментов договора является вопрос о роли России в обеспечении национальной безопасности Монголии в новых, современных условиях. Как известно, в период до 1990 г. в соответствии с заключенными межправительственными соглашениями СССР неоднократно выступал в качестве реального гаранта национальной безопасности МНР (в 1921, 1939, 1945, второй половине 1960-х – 1980-е гг.). После мирной, демократической революции в Монголии в 1990 г., распада СССР, выхода Российской Федерации на международную арену и прекращения союзнических отношений с Россией, перед Монголией встала задача обеспечения своей национальной безопасности собственными силами и политико-дипломатическими средствами. В новом российско-монгольском Договоре 2019 г., также как и в Договоре 1993 г., отсутствует специальная статья о том, что в случае военного нападения третьей страны на одну из сторон вторая сторона окажет ей военную помощь. В этом состоит главное, принципиальное отличие между советско-монгольскими и российско-монгольскими

договорами и соглашениями по этому вопросу. Вместе с тем, в ст. 5 нового договора предусмотрена возможность проведения срочных двусторонних консультаций в случае появления угрозы безопасности одной из сторон: «По просьбе одной из Сторон, которая считает, что под угрозой могут оказаться интересы ее безопасности, незамедлительно проводятся двусторонние консультации» [Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем партнерстве].

Россия и Монголия сотрудничают в области противодействия терроризму, экстремизму, сепаратизму, транснациональной преступности, коррупции, незаконному обороту наркотиков, оружия, произведений искусства и культуры, преступлениям в области экономики, незаконной миграции, торговли людьми, экологии, информационной безопасности и др. (ст. 7).

В области экономического сотрудничества Россия и Монголия проводят в отношении друг друга открытую экономическую политику, развивают равноправное и взаимовыгодное сотрудничество, в том числе в рамках создания и функционирования особых экономических зон, способствуют ускоренному росту взаимной торговли и созданию благоприятных условий для предпринимательской и другой хозяйственной деятельности (ст. 10).

В современных условиях с учетом характера и масштабов торгово-экономического сотрудничества между Россией, Китаем и Монголией особо важную роль приобретает сотрудничество в области транспорта, транзитных перевозок, логистики и инфраструктуры. Договор предусматривает, что Россия и Монголия будут продолжать сотрудничать в направлении повышения эффективности транзитных перевозок и формирования новых транспортных, автомобильных и железнодорожных коридоров на основе единого стандарта 1520 мм в рамках Улан-Баторской железной дороги (ст. 12). В данном случае оговорка о едином стандарте ширины железнодорожной колеи (1520 мм) сделана не случайно, поскольку в настоящее время в Монголии, наряду со строительством по этому

стандарту, также ведется строительство железных дорог на основе другого международного стандарта 1435 мм.

Россия подтвердила свою готовность продолжать содействовать в реализации права Монголии на доступ к морю.

Россия и Монголия придают важное значение сотрудничеству в области охраны окружающей среды, природного наследия, обеспечения экологической безопасности, справедливого рационального использования трансграничных водотоков, предотвращения трансграничного загрязнения. Стороны оказывают содействие друг другу в предотвращении и ликвидации последствий экологических кризисов, стихийных бедствий и промышленных аварий и их последствий (ст. 13). Актуальность этой статьи особенно очевидна в свете развернувшейся в последние годы в обеих странах дискуссии вокруг монгольских проектов строительства нескольких ГЭС на притоках р. Селенга в Монголии и их возможных негативных последствий для экологии оз. Байкал.

Россия и Монголия развивают сотрудничество в гуманитарной области на основе уважения своеобразия истории, культуры и обычаев двух стран, взаимно защищают интересы своих граждан, находящихся на территории другой страны (ст. 14).

Особое внимание уделено созданию благоприятных условий для осуществления совместных программ по использованию передовых инновационных направлений, сотрудничества в области фундаментальных и прикладных исследований и внедрения их результатов в экономику и производство для выведения на качественно новый уровень производственной и научно-технической кооперации (ст. 15).

Россия и Монголия расширяют и углубляют традиционное сотрудничество в области образования, науки и техники, культуры, искусства, туризма, спорта, культурного и исторического наследия, информации, поддерживают установление прямых связей между научно-исследовательскими центрами, образовательными учреждениями, содействуют популяризации русского языка в Монголии и монгольского языка в России, обмену книгами, периодической

печатью, кинофильмами, театральными постановками, информацией, обменам между молодежными и спортивными организациями и др. (ст. 16).

Стороны поддерживают создание благоприятных условий для дальнейшего развития межрегионального и приграничного сотрудничества между субъектами РФ и аймаками Монголии, другими административно-территориальными органами всех уровней, а также между государственными, частными и смешанными предприятиями, учреждениями и организациями (ст. 17).

Анализ содержания российско-монгольского Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве от 3 сентября 2019 г., позволяет сделать вывод о том, что его подписание открывает новый этап развития стратегического партнерства России и Монголии в обозримом будущем. Более того, он стал важной вехой в истории взаимоотношений в треугольнике Россия–Монголия–Китай. Это проявляется в таких практических делах, как реализация Программы создания экономического коридора Россия–Монголия–Китай, модернизация Улан-Баторской железной дороги как центрального железнодорожного коридора, создание новых трансграничных транспортных, железнодорожных и автомобильных коридоров, принципиальная договоренность о строительстве нового магистрального газопровода «Союз Восток» из России в центральные районы Китая через территорию Монголии и др. Реализация этих крупных совместных проектов откроет новые возможности для развития трехстороннего стратегического партнерства, для подъема российско-монгольско-китайских торгово-экономических отношений на новый уровень, для более полного использования транзитного потенциала Монголии в отношениях не только между Россией и Китаем, но и между Восточной Азией и Европой, для снижения дисбалансов в торгово-экономических отношениях Монголии с Россией и Китаем. В настоящее время объем внешнеторгового оборота Монголии с Китаем в 5 раз превышает объем товарооборота с Россией.

Пандемия Covid-19, охватившая весь мир в 2020–2021 гг., существенно затормозила, но не остановила реализацию многих проектов, в том числе и проекта газопровода «Союз Восток». Создана и действует российская компания специального назначения «Газопровод Союз Восток», завершена разработка ТЭО проекта строительства этого газопровода [<http://government.ru/news/43920/>].

Обобщая вышесказанное с точки зрения национальных интересов современной России и Монголии, 100-летняя история российско-монгольских дипломатических отношений позволяет сделать несколько основных выводов.

Россия, поддержав национально-освободительное движение монголов и установив дипломатические отношения с Монголией в 1921 г., во-первых, ликвидировала непосредственную угрозу своей национальной безопасности и территориальной целостности со стороны остатков белогвардейских войск и других потенциальных агрессоров, в течении 100 лет обеспечивала мир и безопасность своих границ на участке протяженностью 3,5 тыс. км на стратегически важных, потенциально опасных направлениях Восточной Сибири, Бурятии, Забайкалья, Тувы, Алтая. Во-вторых, Россия установила и на протяжении 100 с лишним лет сумела сохранить дружественные отношения с новым, соседним государством Монголия, которое пошло по пути, выбранному Россией, и стало надежным союзником и стратегическим партнером России. На протяжении 70 лет (1921–1991) СССР/Россия был для Монголии главной внешней опорой, покровителем, защитником, гарантом национальной безопасности и территориальной целостности МНР/Монголии, примером, образцом, моделью преобразования и модернизации традиционного, скотоводческого, кочевого, буддийского общества, основным донором Монголии. Одновременно в результате теоретических, идеологических, политических и других просчетов и ошибок, допущенных руководителями СССР/России и Монголии в разные периоды, народы России и Монголии совместно пережили такие трагические, негативные явления, как культ личности И. Сталина

и Х. Чойбалсана, необоснованные политические репрессии, крушение социалистических идеалов, некапиталистического пути развития, советской модели модернизации и др. В-третьих, Россия помогла слаборазвитой стране Монголии восстановить ее национальную государственность, создать независимое государство Монголия, добиться его международного признания, преодолеть политическую и социально-экономическую отсталость, приобщиться к достижениям российской, европейской и мировой цивилизации. В-четвертых, несмотря смену одностипного общественно-политического строя в обеих странах, Россия сумела сохранить традиционные, дружественные отношения и всестороннее сотрудничество с Монголией, преодолеть их существенный спад в начале 1990-х гг. и в 2019 г. поднять эти отношения до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства.

С точки зрения национальных интересов Монголии 100-летняя история российско-монгольских дипломатических отношений свидетельствует, что благодаря установлению дипломатических отношений с Россией и при опоре на ее всестороннюю помощь Монголия сумела восстановить свою национальную государственность, добиться международного признания своей независимости и суверенитета, сохранить свою самобытную национальную культуру, монгольский язык, идентичность, традиции, обычаи, создать многоотраслевую экономику, национальную промышленность, растениеводство, государственную систему здравоохранения, образования, культуры, науки, социальной помощи, новую национальную интеллигенцию, провести культурную революцию, ликвидировать массовую неграмотность, войти в тесный контакт и взаимодействие сначала с русской цивилизацией, затем через нее с европейской и мировой цивилизациями, воспринять и адаптировать ряд их достижений, во многом преодолеть отставание, войти в число развивающихся стран со средним уровнем среднедушевого дохода, стать полноправным членом современного международного сообщества, сохранить дружественные отношения и всестороннее сотрудничество с Россией и поднять их

на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. Хочется пожелать, чтобы в следующем столетии дружественные отношения и всестороннее стратегическое партнерство между Россией и Монголией продолжали развиваться и расширяться на благо народов наших стран.

Литература

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. В 2 частях. Изд. 2-е. Ч. 1. М.: ИД «Граница». 2019. 360 с.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы в 2-х томах. Т. 1. 1920–1940 / Отв. ред. И. С. Казакевич. Москва – Улаанбаатар: «Международные отношения, Улсын хэвлэлийн газар, 1975. 590 с.

Интернет-ресурсы

Абрамченко В. В. Россия и Монголия обсудили реализацию ключевых инфраструктурных проектов. // [http:// www.government.ru/news/43920/](http://www.government.ru/news/43920/) (дата обращения 26.11.2021).

Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией. 25.08.2009 // [http:// www.mongolia.mid.ru](http://www.mongolia.mid.ru) (дата обращения 26.08.2009).

Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией. 03.09.2019 // [http:// www.publication.pravo.gov.ru](http://www.publication.pravo.gov.ru) (дата обращения 04.09.2019).

Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. 20 января 1993 // [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения 23.01.1993).

Московская декларация. 08.12.2006 // [http:// www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru) (дата обращения: 10.12.2006).

Улан-Баторская декларация. 14.11.2000 // <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.11.2000).

Протокол о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой. 12 марта 1936 // Документы внешней политики СССР. Т. 19. М.: Политиздат, 1974. [http:// www.docs/historyrussia.org](http://www.docs/historyrussia.org) (дата обращения 15.11.2000).

Отдавая дань памяти и уважения: о деятельности российского дипломата, уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека в 1920–1921 гг.*

Курас Леонид Владимирович

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Цыбенков Базар Догсонович

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Аннотация: Статья является продолжением серии публикаций, посвященных деятельности незаслуженно забытого и незаконно репрессированного советского дипломата Отто Ивановича Макстенека. Находясь на посту уполномоченного наркомата иностранных дел РСФСР в Монголии в 1920–1921 гг., он сыграл одну из ключевых ролей в организации национально-освободительного движения во Внешней Монголии, подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г. и последующем государственном строительстве в Монголии. На основе малоизученных данных, выявленных в архивах России, Монголии и Латвии исследователи осуществили реконструкцию отдельных, ранее не становившихся объектами исследования, этапов жизни и деятельности О. И. Макстенека. В частности, кратко прослежен ранний этап его революционной деятельности на территории Лифляндии (Латвия). Выяснено, что в 1905–1906 гг. Макстенок, помимо чтения нелегальной литературы и распространения прокламаций, занимался также их печатанием, изготовлением фиктивных документов, доставкой нелегальной литературы и оружия. Выяснены детали революционной деятельности в Санкт-Петербурге: участие в создании социал-демократической группы вместе с другими латышскими революционерами, контакты с местным социал-демократическим комитетом, арест. Установлено, что в ноябре 1913 г. Макстенок, после пребывания в каторжной тюрьме, прибыл на поселение в с. Знаменское Иркутской губернии и с этого времени начинается новый этап его революционной деятельности. Совершив побег с поселения, в 1914–1915 гг. он оказался в Троцковске; затем в годы революций и Гражданской войны Макстенок принимает участие в борьбе с белогвардейцами в составе отряда К. Некунде. В мае 1920 г. Макстенок был назначен уполномоченным

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ – Министерства образования, культуры и науки (Монголия), проект № 19–59–44004\19 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.).

НКВД РСФСР в Монголии. В течение 10 месяцев 1920–1921 гг. он находился в Троицкосавске, где осуществлял организационную, дипломатическую, политическую, экономическую и оперативную деятельность по организации, обеспечению и отправке монгольских революционеров для переговоров с руководством Советской России с целью подготовки и организации будущей Монгольской революции. Деятельность советского дипломата получила отражение в документе «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», в котором, наряду с всеобъемлющим анализом политического и экономического положения на Дальнем Востоке, проблемами советизации, оценкой опасности, со стороны барона Унгерна для будущей монгольской государственности, уделено внимание непосредственной дипломатической работе – контактам и переговорам с китайскими властями Маймачена, китайскими наместниками Монголии, вопросам визирования и перемещения китайских подданных (солдат, торговцев) в г. Троицкосавск.

Ключевые слова: О. И. Макстенека, Лифляндия, революционная деятельность, уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии, Троицкосавск, Монгольская революция 1921 г.

Paying tribute to memory and respect: on the activities of the Russian diplomat authorized by the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek in 1920–1921

Leonid V. Kuras

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS

Bazar D. Tsybenov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS

Abstract: *The article is a continuation of a series of publications devoted to the activities of the undeservedly forgotten and illegally repressed Soviet diplomat Otto Ivanovich Makstenek. While serving as the authorized People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia in 1920–1921, he played one of the key roles in organizing the national liberation movement in Outer Mongolia, preparing and implementing the Mongolian Revolution of 1921 and subsequent state building in Mongolia. Based on little-studied data found in the archives of Russia, Mongolia and Latvia, researchers tried to reconstruct certain stages of O. I. Makstenek. In particular, the early stage of his revolutionary activity in the territory of Livonia (Latvia) briefly traced. The authors found out that in 1905–1906 Makstenek, in addition to reading illegal literature and distributing proclamations, was involved in printing them, preparing fictitious documents, and delivering illegal literature and weapons. They also studied the details of revolutionary activities in St. Petersburg:*

participation in the creation of a Social Democratic group together with other Latvian revolutionaries, contacts with the local Social Democratic committee, arrests. In November 1913, Makstenek arrived at the settlement in the village. Znamenskoye of the Irkutsk province and actually from that time a new stage of his revolutionary activity began. In 1914–1915, he lived in Troitskosavsk; then, during the years of revolutions and civil war, Makstenek took part in the struggle against the White Guards as part of the detachment of K. Nekunde. In May 1920, Makstenek appointed an authorized representative of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia. For 10 months 1920–1921, he was in Troitskosavsk, where he carried out organizational, diplomatic, political, economic and operational activities to organize, provide and send Mongolian revolutionaries for negotiations with the leadership of Soviet Russia in order to prepare and organize the future Mongolian revolution. The activities of the Soviet diplomat reflected in the document «Results of the activities of the Commissioner of the People's Commissariat for Foreign Affairs in Mongolia O. I. Makstenek during the period from June 1, 1920 to March 1921». The document analyzed the political and economic situation in the Far East, the problems of Sovietization, the assessment of the danger from the side of Baron Ungern for the future Mongolian statehood. The authors also studied Makstenek's direct diplomatic work – his contacts and negotiations with the Chinese authorities of Maimachen, the Chinese governors of Mongolia, the issues of sighting and the movement of Chinese subjects (soldiers, merchants) to Troitskosavsk.

Key words: *Livonia, revolutionary activity, authorized by the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek, Troitskosavsk, Mongolian Revolution of 1921.*

В 2021 г. российская и монгольская научная общественность отмечает 100-летие Монгольской революции 1921 г. и установления дипломатических связей между нашими странами. У истоков этих отношений стоял советский дипломат Отто Иванович Макстенек, имя которого оказалось незаслуженно забытым. Нам удалось собрать документы о его революционной и дипломатической деятельности, находящиеся в восьми архивохранилищах России, Монголии и Латвии:

- 1) уголовное дело О. И. Макстенека, хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-61825. 50 л.);
- 2) материалы Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114);

- 3) фонды Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 1. Пор. № 1, папка № 1);
- 4) Российский государственный военный архив (РГВА. Ф. 185. Оп. 1.);
- 5) Архив Министерства иностранных дел Монголии (АМИДМ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9);
- 6) документы фондов «Прибалтийское районное охранное отделение», «Полицейское управление Рижского уезда», «Жандармское управление Лифляндского уезда» Государственного исторического архива Латвийского Национального архива (ЛНА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 40; Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840; Ф. 6215. Оп. 1. Д. 13);
- 7) фонд № П-2. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б), г. Хабаровск, Дальневосточный край, 1925–1938 гг. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК. Ф. П. 44. Оп. 1. Д. 283. Л. 31, 71 (72).
- 8) дело «Макстенок Отто И.» из Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Гриф «Секретно».

Содержание интересующих нас фондов позволяет говорить о О. И. Макстенеке как о фондообразователе, чья жизнь и деятельность дают детальное представление о революционных событиях первой четверти XX в. в России и Монголии.

Отто Иванович Макстенок родился в 1874 г. (по др. документам – в 1875, 1877 гг.) в Латвии, Валкский уезд, Лифляндской губернии. Латыш, из рабочих, образование низшее, член РСДРП с 1904 г. Исключен из партии в 1928 г., восстановлен в 1929 г., активный участник революции 1905–1907 гг., политкаторжанин, ссыльно-поселенец, участник Гражданской войны в Восточной Сибири, первый уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии, награжден орденом Красного Знамени (Монголия), член Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (исключен в 1928 г.). Последнее место работы – директор детского дома, санаторий им. ВЦИК в Солнечногорском районе. 19 февраля 1938 г. арестован как активный участник контрреволюционной группы

латышей под руководством Яна Рудзутака. 20 августа 1938 г. расстрелян. Место смерти – Московская обл., Бутово. Место захоронения – Московская обл. В 1959 г. реабилитирован [ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-61825]. Вышеприведенные сведения имеются также в «Мартирологе жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг.» [Мартиролог], где ни единым словом не упомянута работа О. И. Макстенека на посту Уполномоченного НКВД Советской России в Монголии.

Большой исследовательский интерес представляет ранний этап его революционной деятельности на территории Лифляндии (Латвии). В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Латвийском Национальном архиве (ЛНА) нами изучены материалы по интересующему вопросу. Так, в своей автобиографии О. И. Макстенек отмечал тяжелое материальное положение семьи, способствовавшей выработке у него определенного взгляда на жизнь как на борьбу, где нужно пробиваться собственным трудом и знаниями. Сравнение трудной и бедной жизни родителей и жизни состоятельных собственников (местных богачей, помещиков) зародило, по его словам, вечную и непримиримую вражду против класса богачей. Примерно с 1902 г., будучи писарем Крауклинского волостного суда, Макстенек начал читать нелегальную литературу, и в конце 1904 г. вступил в латышскую организацию РСДРП. В 1905–1906 гг. он вместе с другими членами организации занимался чтением литературы и распространением прокламаций. Кроме того, он занимался их печатанием, изготовлением фиктивных документов, доставкой из Риги в Сесвенгенскую волость нелегальной литературы и оружия [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 12–13].

В фонде «Венденское уездное полицейское управление» ЛНА имеется дело «Наряд бумаг для сведения за 1906 г. с марта по 31 декабря полицейского урядника 47 района по III участку Венденского уезда». В нем подшито два официальных документа: 1) «Список лиц, обвиняемых в агитации и других преступных

действиях, скрывшихся при появлении войск, коих следует разыскать и доставить арестованными в Венденское уездное полицейское управление Лифляндской губернии»; 2) «Ведомость о лицах, подлежащих розыску». В «Списке лиц...» Макстенека фигурирует под № 112 по обвинению в агитации по Крауклинской волости с указанием его лютеранского вероисповедания, семейное положение «неизвестно» [ЛНА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 40. Л. 20–20 об., 24–24 об.]. В фонде «Лифляндское губернское жандармское управление» имеется «Список лиц, привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых», составленный Лифляндским губернским жандармским управлением, где под № 8 указан Макстенека Отто Янов, крестьянин Стомерской волости, Валкского уезда Лифляндской губернии. В графе «Мера пресечения» помещена розыскная ведомость от 14 января 1908 г. Примечательно, что в «описи вещественных доказательств, приобщенных к дознанию» большинство документов на латышском языке. Среди них брошюра «Революция и контрреволюция», «чековая книжка на листах с № 1 по 98, на каждом чеке оттиск мастичной печати на латышском языке: «Российская соц-дем. рабочая партия. Окраинный комитет соц-дем. Латышского края» и др. Из постановлений под грифом «Секретно. Арестантское» можно выявить фрагменты биографии будущего дипломата: был писарем Крауклинского волостного суда; в 1905 г. — председатель ревкома в Крауклинской и окрестных волостях; подозревался в соучастии в двух убийствах; принимал участие в грабежах и поджогах в Венденском уезде в 1905–1906 гг. [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 33, 130]. Из следственного дела Карла Зоммера, друга О. И. Макстенека, выясняется, что события в Крауклинской волости в 1905 г. носили революционный характер: распространялись воззвания, вывешивались красные флаги, на стенах домов были написаны революционные надписи [ЛНА. Ф. 6215. Оп. 1. Д. 13. Л. 69]. В июле–августе 1907 г. Макстенека проживал в Ярославле под кличкой «Вецайс», затем скрывался под именем Оскара Роберта Яковлевича Муценека [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 44, 73 об.]. После подавления революции в Прибалтийском крае

он нелегально проживал в Санкт-Петербурге, где с другими латышскими революционерами организовал социал-демократическую группу. В Санкт-Петербурге Макстенок устроился на службу в канцелярию Прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, по другим данным, в Санкт-Петербургскую судебную палату [ЛНА. Ф.4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 130]; имел непосредственные контакты с местным социал-демократическим комитетом. По данным следствия, Муценек (Макстенок) был во главе упомянутой группы и заведовал паспортным бюро. Он похищал из дел Окружного суда разного рода документы, хранившиеся в архиве суда, по которым давал справки лицам, привлеченным к дознаниям; похищал нелегальную литературу, которой снабжал членов группы, например, некую Эмилию Петерсон, у которой в ходе обыска обнаружили брошюры, похищенные Макстеном из архива суда [ЛНА. Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 77].

12 августа 1908 г. Макстенок был арестован в Санкт-Петербурге. Его фотография, вместе с фотографиями шести других латышских революционеров, была отправлена из Лифляндского губернского жандармского управления приставу сыскного отделения Рижской городской полиции [ЛНА. Ф 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 73]. В результате следственных мероприятий он был опознан как Отто Янов Макстенок. Здесь же указаны его приметы. Он содержался в Рижской каторжной тюрьме, а затем, после акции неповиновения, вместе с Яном Рудзутаком был переправлен в Бутырку. Таким образом, из документов, сохранившихся в фондах архива, явствует, что О. И. Макстенок в начале XX в. был идейным революционером, а в годы революции 1905–1906 гг. становится председателем волостного ревкома. Находясь на нелегальном положении, он служит в канцелярии Прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, что свидетельствует о его незаурядных способностях. В имеющихся следственных делах сведения о нем фрагментарны.

Изучение автобиографии О. И. Макстенека от 2 января 1922 г., обнаруженной в РГАСПИ, дало нам возможность прояснить ранее неизвестный период его деятельности с 1909 по 1920 гг. В начале

мая 1909 г. в Ревеле Военным судом О. И. Макстенека был осужден по 1-й части 102 статьи Уголовного Уложения за организацию и принадлежность к кружку «Молния» латышской организации РСДРП к пятилетней каторге с лишением всех прав, преимуществ, жены и детей. На каторге он пробыл с 1909 и до конца 1913 г. Затем из Ревеля был переведен в Ригу за протесты. Из Риги 20 чел., включая Макстенека, как организаторов голодовки, отправили по разным тюрьмам. Макстенека попал в известную Бутырскую тюрьму. Кроме разных издевательств, карцеров, в мае 1913 г. некоторые заключенные, имеющие бессрочную каторгу, сделали попытку убить несколько надзирателей, за что все заключенные были избиты, заключены в одиночные камеры. В такой камере оказался и Макстенека, где пробыл до ноября 1913 г. В том же месяце он прибыл на поселение в село Знаменское Иркутской губернии. По его словам, зимой там пилили дрова, а весной 1914 г., заработав на р. Лена на погрузке товаров средства, взял чужой паспорт и бежал в Читу, где поступил практикантом в магазине К-о Зингера. Осенью 1914 г. был переведен в Троицкосавск заведующим магазином. В начале 1915 г. случайно встретил уголовного ссыльного, с которым в Ревеле отбывал наказание. Тот заявил полиции о нелегальном положении Макстенека. После трехмесячного заключения в Троицкосавске он был выслан обратно в с. Знаменское. Однако через месяц Макстенека снова бежал, но на этот раз в Иркутск, где ему удалось получить право на официальное проживание в с. Тальцы Иркутской губернии. С 1916 по 1918 г. он работал на Покровском стекольном заводе на должностях бухгалтера, счетовода, кассира. В декабре 1917 г., когда в Иркутске произошел бой юнкеров с рабочими и солдатами, заводчане создали отряд из боеспособных рабочих и во главе с О. И. Макстенеком и Букау двинулись в Иркутск. В январе 1918 г. он был вызван Иркутским Губисполкомом и назначен комиссаром акцизного управления Иркутской губернии и Якутской области. В конце июня 1918 г., когда белогвардейцами был занят Нижнеудинск, Макстенека работал в штабе вместе с Трилиссером, Постышевым и др. После

занятия Иркутска белогвардейцами он скрывался в с. Тальцы, затем осенью 1918 г. перебрался в латышские хутора в 120 верстах от Иркутска, по Якутскому тракту, к бывшему в 1918 г. секретарю Иркутского Губкома К. К. Некунде [др. имя К. К. Байкалов. — *Авт.*]. Макстенок в ту пору скрывался под фамилией Зарин. Зимой 1918/1919 гг. им пришлось скрываться в лесу, поскольку на них был сделан донос как на большевиков и им грозил расстрел. Весной 1919 г. выбравшись из укрытия, Некунде и Макстенок стали набирать отряд из колчаковских дезертиров. Собрал 16 человек, совершили нападение на с. Баяндай, где были реквизированы средства в государственных учреждениях и тем самым обеспечили существование отряда. В отряде Макстенок являлся заведующим хозяйственной частью, ездил по деревням скупать продукты для отряда, одновременно раздавал прокламации, которые сам печатал. В январе 1920 г. отряд вышел из тайги и в Иркутске его расформировали. Макстенок был назначен на прежнее место, в акцизном управлении. После упразднения этого учреждения, он создал из трех учреждений налоговое управление, заведующим которого был до 20 мая 1920 г. [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 9–10].

В мае 1920 г. Макстенок был командирован в Монголию, в г. Ургу, в качестве уполномоченного Наркоминдела РСФСР. Но, поскольку, по его словам, в Урге находился известный японофил, маленький «Ксю» (Сюй Шучжэн. — *Авт.*), а также в Маймачене — сторонники японофильства, то эти китайские сановники не пропустили Макстенека в Монголию, и он остался в Троицкосавске [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8]. Работу Макстенека на посту Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии по праву можно считать своего рода апогеем его деятельности, своеобразной кульминацией. Она четко прослеживается в документе «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенок за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», хранящемся в архиве Министерства иностранных дел Монголии [АМИДМ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57]. Этот документ мы полностью, без купюр, ввели в научный оборот, что позволяет составить портрет

Отто Ивановича Макстенека – дипломата [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: 305–317].

В июне 1920 г. начинает работать представительство НКВД Советской России в Монголии, во главе которого встал Уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенок. Он не был пропущен китайскими оккупационными властями в Ургу и был вынужден остановиться в Троицкосавске, где дипломат приступил к налаживанию контактов с монгольскими революционерами и организации их связи с представителями Советской власти и Коминтерна в Сибири. Этому способствовало образование Дальневосточной республики, на территории которой находился Троицкосавск. В этот период и Троицкосавску, и О. И. Макстенеку было суждено сыграть важнейшую роль в подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г. Это совпало по времени с появлением в Монголии новых общественных сил, национально-освободительным движением монгольского народа и поворотом политического вектора Коминтерна на восток. Архивные документы, историческая и мемуарная литература свидетельствуют, что О. И. Макстенок был первым официальным лицом, принимавшим монгольских революционеров. Как он отмечал, «с моим приездом в Троицкосавск как Уполнаркоминдел в Монголии, естественно все нити потянулись ко мне. Вся информация с востока, все товарищи, приезжающие с востока, вся информация из России и все товарищи, едущие за границу – все направилось ко мне. Я сделался центром, связующим за границу и Советскую Россию. Все это сделано было не искусственно, а жизненно необходимым. Мне оставалось направлять это дело так, как требовали интересы самого этого дела» [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 1. Пор. № 1, папка № 1, л. 149 об.].

С 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск стал местом приема знаменитой «монгольской семерки». Архивные документы, историческая и мемуарная литература свидетельствуют, что уполномоченный НКВД РСФСР О. И. Макстенок был первым официальным лицом, принимавшим монгольских делегатов. В докладе говорилось, что организационная работа О. И. Макстенека началась

со знакомства с отдельными членами Монгольской Народной партии, а именно с Данзаном и Чойбалсаном, прибывшими к нему с письмом М. И. Кучеренко в середине 1920 г. [АМИДМ]. Эта информация подтверждается и дополняется материалами «Краткой истории возникновения национальной революции монгольского народа», одним из авторов которой был архитектор Монгольской революции, маршал Х. Чойбалсан. Так, в ней подчеркивается, что Данзану и Чойбалсану было поручено «...встретиться с консулом Макстенеком, получить указание о дальнейшем пути, по пребыванию на отправленное им место, ставить его в известность о своих делах с дальнейшей передачей в Ургу» [Чойбалсан, Лосол, Демид 1979: 17].

В работе Чойбалсана имеется и описание внешности Макстенека как высокого, широкоплечего мужчины около 40 лет с коротко стриженными седыми волосами [Чойбалсан, Лосол, Демид 1979: 17]. В мемуарах дипломата и крупного ученого-китаиста М. И. Казанина отмечается, что «...это был пожилой, серьезный латыш, некий Макстенок, которому нелегко было ступать перед нашей миссией...» [Казанин 2009: 55].

Представившись Макстенеком, он спрашивал гостей, откуда и зачем они прибыли к нему. Тогда Данзан и Чойбалсан показали письмо Гембаржевского и Кучеренко [Чойбалсан, Лосол, Демид 1979: 17; Наранжаргал 2015: 32], после чего уполномоченный Советской России сказал, что осведомлен о делах монголов и, узнав теперь о цели приехавших, должен отправить их в Верхнеудинск. При этом он советовал им быть очень осторожными, так как в городе много китайских войск. В ожидании парохода из Верхнеудинска, Данзан и Чойбалсан пробыли еще несколько дней в Троицкосавске, и за это время ежедневно бывали у О. И. Макстенека и занимались приготовлением к дальнейшей поездке. В целом, из книги следует, что Макстенок вплотную занимался вопросами отправления Данзана и Чойбалсана, находясь в прямой связи с председателем Совета министров ДВР Б. З. Шумяцким, своевременно его информировал о всех событиях. Именно поэтому он отправил монголов без сопроводительного

письма, дав лишь адрес, по которому они должны были прийти в нужное место [Чойбалсан, Лосол, Демид 1979: 17].

Следующая группа делегатов – Д. Бодоо и Д. Чагдаржав – прибыла в Троицкосавск в начале августа. По неподтвержденным данным, вместе с ними ехали С. С. Борисов и Ц.-И. Дашепылов [Хишигт 2011: 155; Наранжаргал 2015: 32]. При встрече с Уполнаркоминдела, Бодоо и Чагдаржав вручили ему документ под названием «Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии».

В русском переводе указанного обращения от 2 августа 1920 г., с указанием г. Троицкосавск, говорилось: «...в результате соглашения в Советскую Россию отправляется правомочная делегация от всего монгольского народа с целью установления прочной связи между революционным народом Российской Республики и Монголией, выяснения отношения Советской власти к Монголии в ее борьбе за освобождение». Далее выражалась надежда на Уполнаркоминдела и на его содействие в осуществлении их стремлений. Следует отметить, что в годы строительства социализма в МНР, в 50–70-е гг. XX в. исторические события 1920–1921 гг. были во многом искажены [Грайворонский 2013: 202]. Авторство отдельных документов оспаривается монгольскими историками и до сих пор находится в процессе объективного установления.

Третья группа монгольских делегатов прибыла в Троицкосавск 8 августа 1920 г. В ее составе находились Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол [Хишигт 2017: 18]. Она везла с собой главный документ – «Письмо князей и лам Внешней Монголии», дословный перевод, которого на русский язык был сделан секретарем Уполнаркоминдела в Урге Ц. Балмасу, а перевод с текстом оригинала сверял Э.-Д. Ринчино. К тому времени он принимал активное участие в борьбе с белогвардейцами. В частности, Ринчино известен как один из организаторов «Кульского переворота» и помощник начальника партизанского штаба (с. Кульское Хоринского аймака). С «Письмом князей и лам Внешней Монголии» монгольская

делегация, прибыв в Иркутск, обратилась к Сибирской миссии ЦК РКП(б) и Советскому правительству.

Таким образом, в июле–августе 1920 г. Троицкосавск стал местом приема трех групп монгольских делегатов, где они встречались с Уполномоченным НКВД РСФСР и с его помощью направлялись в Верхнеудинск, бывший в то время столицей ДРВ. Макстенок готовил их идейно и организационно: паспорта, явки, транспорт, логистика, связи с функционерами ДВР, РСФСР и Коминтерна. Фактически на квартире О. И. Макстенека в Троицкосавске (ныне музей российско-монгольской дружбы) образовался связующий центр между монгольскими революционерами, советскими и коминтерновскими структурами [Курас, Цыбенков 2020а: 171–184; Курас, Цыбенков 2020б: 866–875]. Именно здесь 1–3 марта 1921 г. состоялся I съезд МНП. Одновременно с этим Макстенок активно занимался вопросами вооружения и военного обучения монгольских революционеров. Первые четыре полка в составе менее 400 чел., вступивших в ряды вооруженных отрядов из Кяхты и близлежащих трех караулов, хошунов Сумьяа-бэйсэ и Эрдэнэ-вана Тушэту-хановского аймака положили начало комплектованию вооруженных сил для борьбы за освобождение страны от китайской оккупации. Большое влияние на этот процесс оказали четыре фактора: во-первых, традиционное неприятие китайцев местным монгольским населением; во-вторых, развертывание отрядов добровольцев на местах; в-третьих, активизация деятельности бывших военных в деле организации монгольской народно-революционной армии; в-четвертых, организаторские способности и полководческий талант Д. Сухэ-Батора [Хишигт 2011а: 31]. Архивные документы, историческая и мемуарная литература позволили нам изучить и оценить ту колоссальную организационную, политическую, экономическую и информационно-аналитическую работу, которую проделал Отто Иванович менее чем за год по подготовке первого партийного съезда революционной монгольской партии, формированию ударных вооруженных сил Монгольской революции, идейной подготовке монгольских революционеров, созданию условий для

почти годичного пребывания «монгольской семерки» на территории ДВР и РСФСР и встрече с руководством ДВР, представителями Сиббюро Коминтерна и, наконец, с руководством Советского государства и РКП(б) во главе с В. И. Лениным [Курас 2016: 173–181].

Особенно его талант как дипломата проявился после того, как барон Унгерн перешел границу Монголии, разгромил китайские войска и вернул трон Богдо-гэгэну. В начале 1921 г., когда китайским чиновникам стало понятно, что путь на их родину в Китай будет пролегать только через Троицкосавск, они стали выступать в роли просителей, тем самым, сами того не желая, признавали легальность существования РСФСР. Они стали обращаться к уполномоченному Наркоминдела за транзитными визами. Как отмечал О. И. Макстенок, за сравнительно короткий период он завизировал несколько тысяч китайских паспортов. Кроме того, поступило около 40 обращений от китайских фирм и государственных учреждений к уполномоченному Наркоминдела как представителю Советской России с просьбой взять их под свое покровительство. В самом Маймачене (Южной Кяхте) по данным 1918 г. насчитывалось около 4 тыс. китайцев, в феврале 1921 г. к ним прибавились беженцы из Урги. Для передвижения китайцев в Верхнеудинск существовала только одна водная дорога, по р. Селенге. Все другие сухопутные пути по территории ДВР, благодаря совместным действиям О. И. Макстенека и погранслужбы ДВР, были для них закрыты.

15 февраля 1921 г. уполномоченному Наркоминдела поступило официальное заявление от наместника Чэнь И о выдаче ему визы для проезда в Пекин. Макстенок решил воспользоваться удобным случаем и предложил Чэнь И выяснить некоторые вопросы, связанные с грабежами населения как китайскими, так и белогвардейскими отрядами. По результатам встречи Чэнь И и Макстенека, китайские власти выразили желание «предоставить Советской России [возможность] ввести свои войска в 25-верстную зону для ликвидации разбойничьих банд». Позже это согласие было получено и в письменной форме. Чэнь И, поняв, что если не объединиться с российской стороной, то их силы будут неравными против

Унгерна, 19 февраля 1921 г. встретился с Макстенеком и выразил желание о совместной борьбе против белогвардейцев, расположившихся вблизи Маймачена и Троицкосавска [Болд 2021: 44]. 22 февраля 1921 г. Чэнь И передал свои полномочия новому наместнику Ли Юаню, который 3 марта того же года обратился с официальным заявлением к Советской России в лице уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Монголии О. И. Макстенека. В заявлении Ли Юаня Советской России предоставлялось право ввода вооруженных сил на территорию всей Внешней Монголии для ликвидации войск Унгерна. Таким образом, предыдущий лимит на ввод в 25-верстную приграничную зону, имевший место в документе Чэнь И, был аннулирован. В то же время в заявлении Ли Юаня был пункт, по которому Россия, будучи дружественной к Китаю страной, должна была вывести свои войска по окончании военных действий. Тем не менее эти заявления китайских властей были продиктованы сложившимися обстоятельствами, но в то же время, безусловно, свидетельствуют об особой роли уполномоченного Наркоминдела, в руках которого был единственный безопасный выход китайских чиновников из Маймачена. Макстенок согласовывал свои действия с Б. З. Шумяцким, находясь в постоянной связи с ним и своевременно информируя его о положении дел. В целом, вопрос о вводе советских войск на территорию Монголии рассматривался еще в октябре 1920 г. на заседании президиума Секции восточных народов Сиббюро РКП(б) и Монголо-тибетского отдела, 10 и 27 ноября 1920 г. Г. В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев. Эти сюжеты получили развитие в документальных изданиях.

В феврале–марте 1921 г. в Маймачене сложилась непростая ситуация, связанная с прибытием китайских гражданских беженцев и солдат. Поспешный зимний переход из Урги в Маймачен для китайских солдат выдался тяжелым: им пришлось испытать голод и холод. По данным Макстенека, они косвенно выражали желание расправиться с властелинами Монголии (здесь имеются в виду китайские чиновники.— *Авт.*) как главными виновниками

Ургинской катастрофы. Видя витающие в солдатской массе настроения, китайские чиновники стали опасаться собственной армии, усилилось их стремление к скорейшему отъезду в Китай. В этой ситуации уполномоченный Наркоминдела занял выжидающую позицию, намеренно затягивая вопрос с получением китайцами виз. Основным вопросом, который подлежал выяснению, был вопрос о предстоящей борьбе с белогвардейскими отрядами на территории Монголии. Если китайские власти не в состоянии справиться с ними, то кто займется их ликвидацией? Ответ, конечно же, был на поверхности, но для юридического оформления этой дилеммы необходимо было согласие китайских приграничных властей, которые в свою очередь, получали инструкции от правительства Китайской Республики.

Как твердокаменный большевик О. И. Макстенок крайне негативно относился к самому понятию «дипломат», полагая дипломатию «плутовской работой», противоречащей «внутренним убеждениям» коммуниста [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: 311–312]. Так же как большинство коммунистов относилось к НЭПу, полагая эту политику капитуляцией перед капитализмом, так и дипломатия на пороге мировой революции казалась им несовместимой с коммунистическими идеалами. Возможно, именно эта непримиримая позиция Отто Ивановича привела к тому, что в российской историографии особая роль российского дипломата в подготовке революции в Монголии не получила должной оценки. Достаточно отметить, что его имя отсутствует и в справочниках, и в энциклопедиях по истории Октябрьской революции, Гражданской войны, и даже в трехтомном дипломатическом словаре.

Таким образом, архивные документы, историческая и мемуарная литература позволили изучить и оценить огромную организационную, политическую, экономическую и информационно-аналитическую работу, которую проделал советский дипломат. Отто Иванович менее чем за год осуществил подготовку и проведение первого партийного съезда революционной монгольской партии, формирование ударных вооруженных сил Монгольской

революции, идейную подготовку монгольских революционеров, создание условий для почти годичного пребывания «монгольской семерки» на территории ДВР и РСФСР и встрече с руководством ДВР, представителями Сиббюро Коминтерна и, наконец, с руководством Советского государства и РКП(б) во главе с В. И. Лениным.

На наш взгляд, имя Отто Ивановича Макстенека должно занять подобающее место в списке архитекторов Монгольской революции и двухсторонних российско-монгольских дипломатических отношений.

Источники

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0111. Оп. 1. Пор. № 1, папка № 1. 238 л.

Архив Министерства иностранных дел Монголии (АМИДМ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-61825. 50 л.

Латвийский национальный архив (ЛНА). Ф. 64. Оп. 1. Д. 40. Л. 20–20 об., 24–24 об.

Латвийский национальный архив (ЛНА). Ф. 4568. Оп. 1. Д. 1840. Л. 33, 130.

Латвийский национальный архив (ЛНА). Ф. 6215. Оп. 1. Д. 13. Л. 69 л.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8–13.

Литература

Грайворонский В. В. Рец. на: Н. Хишигт Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011. 299 х. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 2. С. 199–206.

Казанин М. И. Избранное. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 431 с.

Курас Л. В. Место и роль Иркутска в осуществлении политики Коминтерна // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 173–182.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Город Троицкосавск – колыбель монгольской революции 1921 года // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: к 75-летию профессора В. А. Скубневского. Вып. IV. Сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. СПб.: Медиапайр, 2020а. С. 171–184.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (к 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.) // Oriental studies. 2020б. Т. 13. № 4. С. 866–875.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенок: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 32. С. 83–90.

Наранжаргал Н. Новые источники о первой монгольской делегации в СССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2015. № 2. С. 31–34.

Хишигт Н. Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой Российской революции. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.

Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2011. № 3. С. 19–35.

Хишигт Н., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенок: у истоков монгольской революции 1921 года // Oriental studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.

Болд Р. Бүрэн эрхээ хязгаарлуулсан тусгаар тогтнол. Улаанбаатар: НЭПКО Publishing, 2021. 210 с.

Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011б. 299 с.

Чойбалсан Х., Лосол Д., Демид Д. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх (Хоёрдахь удаагийн хэвлэл). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. 310 с.

Интернет-ресурс

Мартиролог жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг. // URL: <https://www.sakharovcenter.ru/asfcd/martirolog/?id=10371&t=page> (дата обращения 10.12.2021).

О дипломатических отношениях между Россией и Монголией до и после 1921 г.

Кузьмин Сергей Львович

Институт востоковедения РАН

Аннотация: В 2021 г. отмечалось 100-летие дипломатических отношений между Россией и Монголией согласно соглашению между Монголией и РСФСР, заключенному в 1921 году. Нередко считается, что дипломатические отношения между двумя странами были установлены именно в 1921 г. вследствие подписания данного соглашения. В связи с этим, проведен краткий исторический и правовой анализ отношений Российского и Монгольского государств со времени провозглашения независимости последнего в 1911 г. Ключевую роль для решения данной проблемы играет Русско-Монгольское соглашение 1912 г., подписанное в столице Монголии российским дипломатическим представителем И. Я. Коростовцом и пятью министрами монгольского богдо-ханского правительства. Это было первым международным соглашением Монголии после объявления ею независимости. Данное соглашение ознаменовало качественно новый уровень двусторонних связей по сравнению с существовавшим в период вассальной зависимости Монголии от маньчжурской империи Цин, о независимости от которой страна объявила в 1911 г. Русско-монгольское соглашение 1912 г. было подписано полномочными представителями правительств обеих стран с санкций их монархов. Оно было подписано без участия третьих стран. Процесс переговоров и подписания соглашения строился на основе норм международного права того времени. Правительства России и Монголии признали друг друга. Хотя русский и монгольский тексты соглашения содержат некоторые разночтения, подписанием этого документа Россия признала государственность и договороспособность Монголии, ее международную правосубъектность. Трехстороннее соглашение между Китаем, Россией и Внешней Монголией, подписанное в 1915 г. в г. Кяхта, инкорпоровало ряд положений соглашения 1912 г. Оно не отменяло того факта, что двусторонние российско-монгольские соглашения уже были установлены в 1912 г. В результате подписания трехстороннего Китайско-Русско-Монгольского Кяхтинского соглашения произошло недвусмысленное признание автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китайской республики. В то же время Внешняя Монголия сохранила свою государственность. Установленный соглашением 1915 г. сюзеренитет Китая над Внешней Монголией носил чисто формальный характер. Заявление Совета народных комиссаров (Совнарком) РСФСР в 1919 г. об отказе от трехстороннего соглашения 1915 г. изменило ситуацию.

Вместе с тем в то время Совнарком не был единственной легитимной властью в России. Кроме того, данный отказ не мог отменить тот уже свершившийся факт, что эти отношения впервые были установлены в 1912 г. – независимо от того, что изменилось позже. Соглашение 1921 г. означало взаимное признание двух новых правительств – Совнаркома и Народного правительства Монголии, международно-правовой статус которой в данном документе не затрагивался. Кроме того, оно устанавливало открытие дипломатических представительств в столице каждой из двух стран. Это международное соглашение можно рассматривать как фактическое «возобновление» двусторонних отношений на новой основе. Советско-Китайское соглашение 1924 г., признавшее суверенитет Китая над Внешней Монголией, не привело к изменению двусторонних российско-монгольских отношений. Заключается, что начало дипломатических отношений между Российским и Монгольским государствами следует датировать не 1921, а 1912 годом.

Ключевые слова: Монголия, Россия, дипломатические отношения, датировка.

ON DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA BEFORE AND AFTER 1921

Sergius L. Kuzmin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Abstract: In 2021, the centenary of diplomatic relations between Russia and Mongolia is celebrated, according to the Agreement concluded between Mongolia and Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) in 1921. It is often believed that diplomatic relations between the two countries were established precisely in 1921 as a result of the signing of this Agreement. In this regard, a brief historical and legal analysis of relations between the Russian and Mongolian states since the declaration of independence of the latter in 1911 has been conducted. The Russian-Mongolian Agreement of 1912, signed in the capital of Mongolia by the Russian diplomatic representative I. Y. Korostovets and five ministers of the Mongolian Bogdokhan Government, plays the key role in solving this problem. This was Mongolia's first international agreement after her declaration of independence. This agreement marked a new level of bilateral relations as compared to those existed earlier, during the period of Mongolia's vassalage to the Manchu Qing Empire. The Agreement of 1912 was signed by plenipotentiary representatives of the governments of both countries with sanctions of their monarchs. It was signed without participation of a third country. The process of negotiations and signing the agreement was based on the norms of international law. The governments of Russia and Mongolia have recognized each other. Although Russian

and Mongolian texts of the Agreement contain some discrepancies, by signing this document, Russia recognized Mongolia's statehood and negotiability, its international legal personality. The tripartite Agreement between China, Russia and Outer Mongolia, signed in 1915 in Kyakhta, incorporated a number of provisions of the 1912 Agreement. It did not negate the fact that bilateral Russian-Mongolian relations had already been established in 1912. As a result of signing the tripartite Kyakhta Agreement, there was an unequivocal recognition of the autonomy of Outer Mongolia under the suzerainty of the Republic of China. At the same time, Outer Mongolia retained her statehood. The suzerainty of China established by the 1915 Agreement was only formal. The statement of the RSFSR Council of People's Commissars in 1919 on the rejection of the 1915 tripartite Agreement changed the situation. However, at that time this Council was not the only legitimate regime in Russia. In addition, this refusal could not abolish the already accomplished fact that these relations were first established in 1912. The 1921 Agreement meant mutual recognition of two new people's governments; permanent diplomatic missions in the two countries were opened. The Soviet-Chinese Agreement of 1924, which recognized China's sovereignty over Outer Mongolia, did not change bilateral Russian-Mongolian relations. Thus, the beginning of diplomatic relations between Russia and Mongolia should be dated by 1912 and not by 1921.

Key words: *Russia, Mongolia, diplomatic relations, dating.*

В 2021 г. отмечалось 100-летие дипломатических отношений между Россией и Монголией согласно соглашению между Монголией и РСФСР 1921 г. Нередко считают, что впервые в новое время дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1921 г., и выводят оттуда преемственность этих отношений между современными Российским и Монгольским государствами. Однако в других случаях отсчет времени дипломатических отношений ведется от их установления со странами, еще не являвшимися независимыми. Например, считается, что с Болгарией Россия установила дипломатические отношения в 1879 г., когда Болгария была под сюзеренитетом султана Османской империи [История дипломатических отношений], а не в 1908 г., когда Болгарское княжество провозгласило независимость. В связи с этим, представляют интерес вопросы о характере российско-монгольских отношений непосредственно перед 1921 г. и о месте соглашения 1921 г. в ретроспективе этих отношений с начала XX в. до нашего времени. Выбор начала XX в.

как нижней границы рассматриваемого периода связан с тем, что к тому времени Монголия уже почти 200 лет была вассальной территорией империи Цин. Широко распространено мнение, что это были отношения с «цинским Китаем», хотя историческая традиция самих монголов считает их отношениями с маньчжурским государством Цин (*монг.* Манж Чин улс). Эта традиция отражает истину: покоренный маньчжурами Китай в тот период был лишь одной из частей их многонациональной Цинской империи, а не независимым государством [Дмитриев, Кузьмин 2014: 5–17]. Одним из главных условий признания монголами их вассальной зависимости от маньчжурских императоров были законодательно закрепленные гарантии недопущения колонизации их земель китайцами и сохранение традиционного образа жизни. В этот период на исторической территории Монголии действовали российские консульские представители [Сизова 2015]. Они подчинялись российскому посланнику в Пекине, столице Цинской империи. Переход империи Цин от даннической к договорной системе международных отношений со второй половины XIX в. сопровождался кризисом. Чтобы противостоять экспансии европейцев, американцев и японцев, была принята «новая политика» – заселения китайцами территорий снаружи от Великой китайской стены. Главной целью была китайская колонизация земель и китаизация местного населения. Эта политика нарушала те основы, на которых монголы подчинялись маньчжурским императорам. Результатом стала дестабилизация доселе спокойной обстановки на монгольских территориях. Началось национально-освободительное движение монголов.

В сентябре–октябре 1911 г. произошло Учанское восстание, положившее начало Синьхайской революции китайских (ханьских) националистов за свержение маньчжурской династии и установление Китайской республики. Цинским властям, уже начавшим проводить «новую политику» во Внутренней Монголии, стало не до ее проведения во Внешней. В декабре 1911 г. Монголия провозгласила независимость как абсолютная теократическая монархия. В феврале 1912 г. Синьхайская революция победила: пала Цинская империя,

и была провозглашена Китайская республика. Синьхайская революция была чужда монголам, стремившимся к независимости и имевшим не меньшее право на нее, что и китайцы (ханьцы). Отречение маньчжурской династии Айсинь Гйоро, коллапс империи Цин и провозглашение Китайской республики дали монголам новое обоснование их независимости. Ведь они так же провозгласили свое национальное государство в 1911 г., как в 1912 г. ханьские националисты провозгласили Китайскую республику – фактически, свое национальное государство – на волне борьбы с властью маньчжуров, которых они справедливо считали иноземными захватчиками. Но при этом сами китайские националисты предъявили нелегитимные претензии на все «территориальное наследие» империи Цин – в том числе, на территории, никогда не входившие в Китай: на Монголию, Туву, Тибет и Восточный Туркестан. Для этого они разработали концепцию «пяти рас» Китая, несостоятельную с научной точки зрения. Благодаря удачной для Китая международной конъюнктуре и ошибочному отождествлению великими державами империи Цин с Китаем им удалось захватить почти все эти территории. В этих условиях монголы рассчитывали на помощь Российской империи. В России в то время были разные взгляды на будущее Монголии – от независимости до ее положения как «части Китая». В итоге было принято решение о ее формальной автономии под фактическим протекторатом России.

3 ноября 1912 г. в монгольской столице Нийслэл-хурэ было подписано соглашение (в русском тексте) или договор (в монгольском тексте) между Россией и Монголией. Данное терминологическое различие не влияет на статус документа с точки зрения международного права. С российской стороны его подписал уполномоченный российского правительства в Урге И. Я. Коростовец (назначенный специальным представителем России в Нийслэл-хурэ в августе 1912 г.), с монгольской – председатель совета министров Сайн-нойон-хан Намнансурэн и пять других полномочных министров: внутренних дел – Чин-Сужигт-чин-ван-лама Цэрэнчимэд, иностранных дел – в звании хана Эрдэни-дайчин-чин-ван Ханддорж,

военный министр – Эрдэни-Далай-джун-ван Гомбосурэн, финансов – Тушэту-джун-ван Чагдаржав, юстиции – Эрдэнэ-джун-ван Намсрай (текст соглашения: [Батсайхан 2018: 374–380; факсимиле: там же, цв. вклейка]).

Соглашение было выработано и подписано обеими сторонами без участия Китая. Специальное исследование показало, что монголы использовали монгольский перевод с китайского книги Н. Wheaton «Elements of International Law», и в переговорах с Россией употребили ряд терминов из этого перевода. Следовательно, переговоры с Россией они вели на основе международного права [Тачибана 2011: 139–155] – того, что в то время называлось международным правом «цивилизованных народов». Следовательно, если исходить из распространенного в то время противопоставления отношений между «цивилизованными народами» на основе международного права и отношений «цивилизованных народов» с «нецивилизованными» на основе естественного права [Oppenheim 1905: 179–180], можно заключить, что отношения Российской империи с провозгласившей независимость Монголией с их самого первого соглашения стали строиться на основе международного права.

В соглашении говорилось, что прежние отношения Монголии с Китаем прекратились. Китай относительно Монголии обозначался как иностранное государство. Русский и монгольский варианты были зачитаны, сличены и только затем подписаны [Коростовец 2004: 233]. Они несколько различались, но имели равную юридическую силу, так как не был оговорен приоритет какого-либо из них. В русском тексте статус Монголии обозначался как автономия, в монгольском – независимость [Кузьмин 2015: 80–87; 2016: 100–103]. По международному праву того времени подобная формулировка трактовалась так: «Сомнительное постановление должно быть интерпретируемо в смысле наименее отяготительном для обязанной стороны» [Мартенс 1882: 413]. Так что монгольская сторона не без оснований трактовала соглашение как признание именно независимости. И в Монголии, и в России

соглашение означало признание Монголии государством. Согласно юридическим нормам того времени, признание – это акт, посредством которого делается очевидным, что уже существующее государство готово иметь дело с новым государством как субъектом международного права, а субъектом последнего новое государство делает подписание соглашения с уже существующим государством [Oppenheim 1905: 109–110].

Самоопределение монголов противоречило концепции «пяти рас», на которой китайцы основывали свои претензии на Монголию. Под давлением Китая Россия вступила в сложные переговоры с обеими странами. От России в них участвовали дипломатические агенты А. Я. Миллер (глава делегации) и А. П. Болобан, пограничный комиссар подполковник А. Д. Хитрово, от Китая – чрезвычайный посланник генерал Ли Гунфан, сановник Чэнь Лу, советник Монголо-тибетского бюро Чэнь И, от Монголии – министр внутренних дел да-лама Ш. Дашжав, министр финансов Тушэту-ван Г. Чагдаржав, вице-министр юстиции ван Удай, 1-й советник военного министерства Манлай-Батор Ж. Дамдинсурэн, вице-министры иностранных дел гун Цэрэндорж и гун Жигжиджав [Ширендыб 1960: 148]. Делегации трех государств участвовали в переговорах на равной основе. В итоге в 1915 г., в результате подписания трехстороннего Китайско-Русско-Монгольского Кяхтинского соглашения произошло недвусмысленное признание автономии Внешней Монголии под сюзеренитетом Китайской республики.

По международному праву признание одного государства другим не исключает, что это может быть сделано на определенных условиях, накладывающих международно-правовые обязательства [Oppenheim 1905: 109–112]. Применительно к Внешней Монголии эти обязательства фиксировались признанием над ней сюзеренитета Китая. Согласно международному праву того времени, сюзеренитет означал не то же самое, что сюзеренитет в Средние века. Он означал полноту прав государства за исключением того четко обозначенного узкого набора прав, которые были зафиксированы за сюзереном. Разъясняя положение Внешней Монголии после

Кяхтинского соглашения 1915 г., один из ведущих специалистов по международному праву того времени барон Б. Э. Нольде показал, что, подписав это соглашение, Внешняя Монголия не перестала быть государством. Она имела полную независимость во внутренних государственных делах и свободу внешних сношений в вопросах торговли и промышленности. «Этого достаточно, чтобы налицо было государство, достаточно, какой бы из двух одинаково законных критериев государства мы ни брали – государственно-правовой или международно-правовой». Сюзеренитет Китая был формальным и лишенным самостоятельного содержания, дополнительным выражением установленной соглашением связи между ним и Внешней Монголией [Нольде 1915: 2153–2231]. Учитывая статус Нольде (в то время директор юридической секции МИД России), его разъяснение следует считать точкой зрения МИД России. Из статей соглашения 1915 г. следует, что Внешняя Монголия была субъектом международного права согласно принятым в то время нормам.

После краха империи Цин и провозглашения Китайской республики российские консульские представители в Монголии, фактически, уже не были представителями в Китае, хотя оставались под формальной юрисдикцией российской дипломатической миссии в Пекине. Они занимались, в том числе, политическими двусторонними делами, представляли Россию при монгольском монархе, а не при китайских резидентах в Монголии. Они действовали в координации с представителями не столько китайского, сколько монгольского правительства. Зачастую они контактировали с российским МИД напрямую. Как и в некоторых других странах, они, фактически, выполняли, в том числе, дипломатические функции. Российские дипломаты работали во Внешней Монголии до 1920 г.

В 1919 г. Внешняя Монголия была оккупирована Китаем. Эти действия были незаконны по целому ряду причин (подробнее см.: [Кудашев 1920; Кузьмин 2021: 76–78]). 25 июля 1919 г. Совнарком в обращении к китайскому народу и его правительству объявил об отказе от всех тайных договоров и объявил, что народы

Китай сами решат, в границах какого государства желают быть; полномочия царских дипломатов не признавались. На следующий день НКВД подтвердил отказ от тайных договоров с Японией и Китаем, от Кяхтинского соглашения, объявил Монголию независимой [Российско-монгольское 2008: 22]. Формально это означало признание права на самоопределение, но отказ от соглашения означал и отказ от запрета китайского военного вмешательства и колонизации. В России тогда было двоевластие: белые и красные. Белые продолжали признавать Кяхтинское соглашение и полномочия прежнего дипломатического агента А. А. Орлова в Урге. Следовательно, не приходится говорить о легитимном аннулировании его полномочий и Кяхтинского соглашения.

В 1921 г. независимость Монголии восстановил барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг. 15 июня правительство РСФСР заявило правительству Китая, что Унгерн – общий враг обеих стран, для борьбы с ним войска РСФСР и ДВР перейдут границы Монголии, эта борьба будет идти «на базе признания прав Китая», что Россия абсолютно уважает права Китая. В ответ 6 июля секретарь китайского посольства в Лондоне посетил представителя РСФСР в Великобритании и передал вербальную ноту от МИД Китая, датированную 30 июня. В ней говорилось, что правительству Китая трудно согласиться на предложение, нарушающее его «территориальные права», что оно поручило Чжан Цзолиню повести наступление на Ургу. Китайский представитель добавил, что его правительство не будет особенно протестовать против преследования Унгерна «на своей территории» [Документы внешней политики СССР 1960: 179–180, 216–217]. Стиль этих нот соответствует признанию прав Китая на Монголию.

После поражения Унгерна к власти пришла Монгольская народная партия (МНП), которую поддерживали большевики. 5 ноября 1921 г. было подписано соглашение между РСФСР и Монголией (текст: [Советско-монгольские отношения 1975: 58–61]). В нем правительства обеих стран взаимно признавали друг друга единственно законной властью каждой страны. В этом соглашении статус

Монголии относительно Китая не затрагивался. В отличие от предыдущих соглашений, устанавливался обмен полпредами и консулами.

Советские полпреды не просто участвовали в политической деятельности, но через них проводилось влияние руководства РКП(б) на правительство МНР. Например, такие советские полпреды как чекисты С. Н. Миронов и М. И. Голубчик не только помогали решению вопросов военного строительства, финансов и развития промышленности Монголии, но также участвовали в проведении там массовых репрессий второй половины 1930-х гг. [Кузьмин 2016: 331–344].

Советско-Китайское соглашение от 31 мая 1924 г. в статье 5 признало Внешнюю Монголию составной частью Китая и его суверенитет над ней (текст соглашения: [Советско-китайские отношения 1959: 82–85]). Здесь термин «Внешняя Монголия» использован вместо термина «Монголия», который использован в Советско-Монгольском соглашении 1921 г. Суверенитет – это не сюзеренитет, а полная власть. 3 марта 1925 г. нарком иностранных дел Г. В. Чичерин разъяснил позицию советской стороны на этот счет: СССР признавал широкую автономию Монголии как государства, которая не допускала вмешательства Китая [Кузьмин 2016: 362]. Такая трактовка в целом сходна с таковой Российской империи, согласно Кяхтинскому соглашению 1915 г. Теперь статус советских полномочных представителей в Монголии формально становился аналогичен статусу дореволюционных российских дипломатов в автономной Внешней Монголии, поскольку она признавалась частью Китая. Однако они действовали напрямую, а не через советских представителей в Китае. Советско-Китайское соглашение 1924 г. восстанавливало название «Внешняя Монголия». В то же время в советско-монгольских отношениях использовалось название МНР, и эти отношения оставались двусторонними. В январе 1946 г. китайское нанкинское правительство признало итоги референдума 1945 г., когда практически все население МНР проголосовало за независимость.

В связи с изложенным, как следует трактовать отношения с Россией Монголии после провозглашения ею независимости

в 1911 г.? В российском правительственном сообщении в связи с подписанием соглашения говорилось: «Русско-монгольское соглашение 21 октября 1912 года является актом признания автономного монгольского правительства, с которым отныне Российское Правительство устанавливает непосредственные сношения» [Правительственное сообщение 1912: 47]. Хотя обычно установление дипломатических отношений предполагает обмен дипломатическими представителями, в ряде случаев страны присылают своих посланников в другие страны по мере необходимости. В узком смысле слова, дипломатические отношения означают, что эти лица представляют свое правительство в другой стране по политическим и другим вопросам — в отличие от консульских работников, которые ведают выдачей виз и т.п. Монгольского дипломатического представительства в дореволюционной России не было. Но монгольские полномочные представители посещали Россию и вели там переговоры с уполномоченными правительственными чиновниками [Батсайхан 2018: 68–76, 179, 202–212], а российские консульские представители в Монголии выполняли и дипломатические функции.

Русско-монгольское соглашение 1912 г. — первое международное соглашение объявившей независимость Монголии — с российской стороны подписал И. Я. Коростовец как российский полномочный дипломатический представитель в Монголии, официально аккредитованный при правительстве Богдо-хана Монголии. Миссия Коростовца ознаменовала установление двусторонних дипломатических отношений между Россией и Монголией, взаимное признание их правительств. Подтверждением этому служат сам факт и процедура заключения соглашения 1912 г. и его содержание. Подписанием этого соглашения Россия признала договороспособность Монголии, ее международную правосубъектность. Теперь Россия фактически не могла в одностороннем порядке отозвать такое признание, поскольку она утратила это право в связи с приобретением выгод от заключенного соглашения 1912 г. (согласно правовому

принципу эстоппель, запрещающему противоречивое поведение)¹. Соответственно, Китайско-Русско-Монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., пришедшее на смену Русско-монгольскому соглашению 1912 г., инкорпорировало ряд положений последнего. Россия признавала государственность Монголии, номинальный сюзеренитет над ней Китая и т.д. – что разъяснил в 1915 г. Б. Э. Нольде. Соглашение 1915 г. не отменяет того факта, что двусторонние отношения уже (курсив и подчеркивание наш – С. К.) были установлены раньше – в 1912 г.

Заявление Совнаркома РСФСР в 1919 г. об отказе от соглашения 1915 г. изменило ситуацию. Но, во-первых, в то время Совнарком не был единственной легитимной властью в России. Во-вторых, данный отказ не мог отменить тот уже свершившийся факт, что эти отношения впервые были установлены в 1912 г. – независимо от того, что изменилось позже. Соглашение 1921 г. означало взаимное признание двух новых правительств – Совнаркома и Народного правительства Монголии. Это действительное международное соглашение, которое можно рассматривать как фактическое «возобновление» двусторонних отношений на новой основе (хотя руководство РСФСР и декларировало отказ от договоров, заключенных Российской империей).

Таким образом, 100 лет назад – в 1921 г. впервые произошло открытие постоянных дипломатических представительств Монголии и России на взаимной основе в их столицах. Но начало двусторонним дипломатическим отношениям было положено гораздо раньше – в 1912 г. – посредством направления полномочных представителей, заключения соглашений и т.д. Следовательно, дипломатические отношения между Российским и Монгольским

¹ Эстоппель – в международном праве утрата участником международного договора права ссылаться на обнаружившееся основание недействительности такового (напр., ошибка, обман, подкуп представителя государства при заключении этого договора и др.), если данный участник, после того, как ему стало известно о соответствующих фактах, определенно или молчаливо согласился с тем, что договор по-прежнему сохраняет силу [Большой юридический словарь 2012].

государствами начались еще во времена Российской империи. Положили начало им не правительства РКП(б) и МНП, а правительства российского и монгольского монархов.

В заключение выражаю благодарность за консультации по международному праву проф. М. ван Вальту ван Праагу (Нидерланды).

Литература

Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 406 с.

Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. 2014. № 1. С. 5–17.

Документы внешней политики СССР / Гапоненко Л. С. Деев Г. К., Калинин Н. Н., Колосовский И. К., Обичкин Г. Д., Харламов Н. А. ред. Т. 4. М.: Политиздат, 1960. 836 с.

[Кудашев Н. А.] 1920. Нота посланника кн. Кудашева // Русский голос (Харбин), 30.09.1920.

Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии // Вестник Московского городского педагогического университета, серия «Исторические науки». 2015. № 1. С. 80–87.

Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Товарищество научных изданий, КМК, 2016. 496 с.

Кузьмин С. Л. Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг – освободитель Монголии. // Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг [Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг в монгольской истории]. Улаанбаатар, 2021. С. 61–86.

Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1882. 418 с.

Нольде Б. Э. 1915. Международное положение Монголии // Право. № 34. С. 2153–2168; № 35. С. 2219–2231.

Правительственное сообщение 26 октября 1912 г. (Правительственный вестник, 26 октября 1912 г., № 234) // Известия Министерства иностранных дел. 1913, № 1. С. 46–48.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. / Кудрявцев И. И., Базаров Б. В., Ганжуров В. Ц., Дмитроченкова Е. Н., Нагаев И. М., Тархова Н. С., Шепелев В. Н., Оюунбазар Т., Гантулга Ж., Гомбосурэн Д., Хишигт Н., сост. Ч. 1. Москва – Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 349 с.

Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука – Восточная литература, 2015. 295 с.

Советско-китайские отношения, 1917–1957. Сборник документов / Курдюков И. Ф., Никифоров В. Н., Перевертайло А. С. ред. М.: Восточная литература, 1959. 467 с.

Советско-монгольские отношения, 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1: 1921–1940 (ред. И. С. Казакевич). Москва – Улаанбаатар: «Международные отношения», Улсын хэвлэлийн газар, 1975. 590 с.

Тачибана М. Монголын мартагдсан түүх. Богд хаант засгийн газар (1911–1921) [Забытая история Монголии. Правительство Богдо-хана (1911–1921 гг.)]. Улаанбаатар: МН Технологи, 2011. 486 с.

Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. Докт. дисс. Ч. 1. М.: ИВ АН СССР. 1960. 391 с.

Oppenheim L. International Law. A Treatise. Vol. 1. Peace. London – New York – Bombay: Longmans, Green and Co. 1905. 610 p.

Интернет-ресурсы

Большой юридический словарь. 2012. URL <https://slovar.cc/pravo/slovar/2469883.html> (дата обращения 18.11.2021).

История дипломатических отношений. Посольство Российской Федерации в Болгарии. URL <http://bulgaria.mid.ru/istoria-diplomaticeskikh-otnosenij> (дата обращения 18.11.2021).

История начального периода российско-монгольских отношений по материалам архивного документа «Соглашение об аренде земельных участков российскими подданными в Автономной Внешней Монголии»^{*}

Цыренова Номинь Дондоковна

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Аннотация: В статье приведены краткие сведения по истории российско-монгольских отношений на примере истории подготовки текста Проекта соглашения об аренде земельных участков российскими подданными под торгово-промышленные помещения как источника по истории отношений российского консульства в Автономной Внешней Монголии с правительством Богдо-гэгэна, а также некоторые предварительные результаты источниковедческого анализа этого малоизученного документа. Данный документ дошел до нашего времени в машинописном виде на классической монгольской письменности и хранится в монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее: ЦВРК ИМБТ СО РАН) под шифром БМ 420 в составе личного архива известного бурятского ученого-монголоведа П. Б. Балданжапова (1921–1991). В ходе исследования мы применяли источниковедческий метод формулярного анализа, согласно которому данный документ относится к индивидуальному формуляру. Судя по содержанию документа, исследуемый исторический источник был составлен в 1917 г. На основе анализа научных работ по истории российско-монгольских отношений, структуры и содержания данного документа и его источниковедческой характеристики представлен конкретно-исторический фон создания документа, а также показана его роль и значение в истории межгосударственных отношений Монголии и Российской империи. Приведен авторский перевод и краткая аннотация разделов соглашения (преамбула и приложение к соглашению). Выявлено, что в соглашении были отражены интересы российских торгово-промышленных кругов, которые стремились

^{*} Работа выполнена в рамках государственного задания – проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия» (№ 121031000302–9).

юридически закрепить свои особые права на всей территории Внешней Монголии, что вызывало беспокойство у китайского правительства и торгово-промышленных кругов Китая. После заключения «Соглашения о дружбе» и Торгового протокола в 1912 г., монгольская сторона долгое время не выделяла некоторые категории земельных участков, из-за чего купцы и промышленники Российской империи не могли воспользоваться всеми правами, оговоренными в подписанном ранее Торговом протоколе. Главным представителем российских государственных интересов в Монголии выступало Генеральное консульство Российской империи в г. Урга. Событийно-хронологический анализ документа дает некоторые основания полагать, что переговорный процесс по его подготовке занял несколько лет – приблизительно с 1912 г. по 1917 г. В соглашении содержится ряд ценных и важных сведений страноведческого характера о реалиях Монголии той эпохи. Текст Соглашения состоит из преамбулы, основного раздела из десяти пунктов и приложения к соглашению в виде дипломатической корреспонденции между Генеральным консульством Российского государства и правительством Монголии о согласовании отдельных пунктов данного соглашения. Ценность исторического источника состоит в том, что ранее он не вводился в научный оборот и потому представляет значительный интерес в качестве нового источника для исследования истории дипломатических отношений между Российской империей и Монголией, 100-летний юбилей которого отмечался в 2021 г. Данный документ представляет собой машинописный текст на классической монгольской письменности, расположенный в виде двух вертикальных колонок. Текст напечатан на 17 листах (с одной стороны), сложенных вдвое и сшитых по левому краю, размер листов в разложенном виде 26,5 x 26 см., размер текста 10 x 18 см.

Ключевые слова: Соглашение об аренде, российско-монгольские отношения, независимая Монголия, Российская империя, Богдо-гэгэн.

The history of the initial period of Russian-Mongolian relations based on the materials of the archival document «Agreement on the lease of land plots by Russian subjects in the Autonomous Outer Mongolia»

Nomin D. Tsyrenova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article provides brief specific historical information on the history of Russian-Mongolian relations using the example of the history of the preparation of the text of the Draft Agreement on the lease of land plots by Russian subjects for commercial and industrial premises as a source on the

history of relations between the Russian consulate in the Autonomous Outer Mongolia and the government of Bogdo Gegen, and also some preliminary results of the source analysis of this little-studied document. This document has come down to our time in typewritten form in classical Mongolian writing and is kept in the Mongolian fund of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhology and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (TsVRK IMBT SB RAS), under the code BM 420 as part of the personal archive of the famous Buryat Mongolian scholar P. B. Baldanzhapov (1921–1991). In the course of the research, we used the source study method of formular analysis, according to which this document refers to an individual form. Judging by the content of the document, the historical source was compiled in 1917. Based on the analysis of scientific works on the history of Russian-Mongolian relations, the structure and content of this document and its source study characteristics, the specific historical background of the creation of the document is presented, and its role and significance in the history of interstate relations between Mongolia and the Russian Empire are shown. The author's translation and a brief annotation of the most important sections of the agreement (preamble and appendix to the agreement) are provided. It was revealed that the agreement reflected the interests of Russian commercial and industrial circles, which sought to legally consolidate their special rights throughout the territory of independent Outer Mongolia, which caused concern among the Chinese government and the commercial and industrial circles of China. After the conclusion of the «Friendship Agreement» and the Trade Protocol in 1912, the Mongolian side did not allocate certain categories of land plots for a long time, that is why the merchants and industrialists of the Russian Empire could not use all the rights stipulated in the previously signed Trade Protocol. The main representative of Russian state interests in Mongolia was the Consulate General of the Russian Empire in Urga. The event-chronological analysis of the document gives some reason to believe that the negotiation process for its preparation took several years – approximately from 1912 to 1917. The agreement contains a number of valuable and important information of a regional information about the realities of Mongolia of that era.

The text of the Agreement consists of a preamble, a main section of ten points and an appendix to the agreement in the form of diplomatic correspondence between the Consulate General of the Russian state and the government of independent Mongolia on the coordination of certain points of this agreement. The value of the historical source lies in the fact that it was not previously introduced into scientific circulation and therefore is of significant interest as a new source for studying the history of diplomatic relations between the Russian Empire and Mongolia, the centenary of which was celebrated in 2021. This document is a typewritten text in classical Mongolian script arranged in two vertical columns. The text is printed on 17 sheets (on one side), folded in half and sewn along the left edge, the size of the sheets unfolded is 26,5 x 26 cm, the size of the text is 10 x 18 cm.

Key words: Lease agreement, Russian-Mongolian relations, independent Mongolia, Russian Empire, Bogdo-gegen.

История независимой Монголии берет начало со второй декаде XX в. после того как на престол верховного правителя Монголии был возведен Богдо Джебцундамба-хутухта, новое государство получило название Монголия и новое летосчисление – с момента правления «Многими возведенного» Богдо-гэгэна VIII, город Их-Хурэ был переименован в столицу Нийслэл-Хурэ [Батсайхан 2021: 18]. Прежде всего торгово-промышленные круги России были нацелены на экономическую сферу. Они стремились к монопольному использованию полезных ископаемых и сырья и требовали от монгольского правительства предоставления привилегий в ведении торговли, особых прав и условий [Батсайхан 2021: 21]. Важно отметить, что данный подход нашел свое отражение не только в Соглашении о дружбе, которое было подписано в октябре 1912 г., и в Кяхтинском соглашении 1915 г., но и в рассматриваемом соглашении. Очевидно, что правовой основой составления данного документа послужили Соглашение о дружбе, Торговой протокол и Кяхтинское соглашение. Дипломатические отношения между новым монгольским государством и Россией начались с момента подписания первого правового документа – Соглашения о дружбе 1912 г. С этого момента русские торговцы и промышленники могли решать все вопросы напрямую с Монголией, а не через Китай.

В начальной части текста Соглашения 1912 г. были упомянуты факты изгнания с территории Монголии китайских оккупантов, провозглашения Богдо-гэгэна VIII Джебцундамба-хутухты Многими Возведенным ханом Монголии, прекращения прежних отношений Монголии с Китаем. Кроме того, была отмечена необходимость расширения дружественных русско-монгольских взаимосвязей, развития в экономической сфере экономики, необходимости установления особых правил ведения торговли [Батсайхан 2021: 25]. Это также можно учитывать как предпосылку данного соглашения.

В русскоязычном тексте проекта Соглашения о дружбе и Торгового Протокола Монголия была обозначена как «Внешняя Монголия», но монгольская сторона не была согласна с данным определением. Поэтому обе стороны решили использовать термин

«Монголия». При этом данное название имело двойственный смысл. Оно могло означать название как государства, так и просто географической области, оно могло распространяться на Внешнюю Монголию (Ар Монгол) или же на обобщенное название монгольских народов, что видно из русскоязычного варианта Соглашения [Батсайхан 2021: 30].

По сообщению российского консула Я. П. Шишмарева, русские купцы в районе озера Косогол (Хубсугул) «...установили сначала юрты, обнеся их забором из толстого дерева, на следующий год во дворах пристроили небольшие дворiki, тоже из толстого дерева, из которых устроили утепленные помещения с печами, окнами, а затем стали строить и жилые помещения». Минусинский купец некто Бяков после долгих переговоров с властями даже получил право на возведение кирпичных построек при условии, что после окончания торговли он оставит все местным властям. Кяхтинский купец И. И. Корнаков в 1897 г. получил письменное разрешение монгольских чиновников на аренду двух участков земли в 60 км от Кяхты на р. Иро с правом заниматься земледелием, скотоводством, косьбой и вырубкой леса. Там он построил дом и хозяйственные постройки, выращивал пшеницу, которую сбывал на Иройских золотых приисках и других местностях Халхи, занимался оптовой торговлей чаем. Эта фактория стала называться Корнаковкой и получила широкую известность как среди русских торговцев, так и у монголов. «Основательные постройки и сравнительно комфортные помещения» были у купцов из Бийска (Петракова, Шебалина, Коршунова, Побединского, братьев Дадочкиных) [Старцев 2015: 148]. Окончательно вопрос о правовых основаниях купцов из России возводить в Монголии постоянные постройки был решен только после подписания Соглашения между Россией и Монголией 1912 г. [Старцев 2015: 148]. Стоит отметить, что цель данного соглашения состояла в том, чтобы законно закрепить права русских купцов для еще большего увеличения объема торговли между Монголией и Россией. Поэтому появилась потребность в данном соглашении. В первом

и втором письме из переписки между российским генконсульством и монгольским правительством приводится разъяснение вопроса о земельных участках, арендованных или приобретенных в собственность до 21 октября 1912 г. Однако данный пункт отсутствует в тексте Соглашения от 1917 г.

Академик И. М. Майский приводит сведения о том, что «нормированного права в европейском смысле слова во Внешней Монголии тех лет не существовало. Некоторым руководством в практике судопроизводства служило так называемое «Уложение Китайской Палаты Внешних сношений», опубликованное при маньчжурском императоре Даогуане в 1815 г. и предназначавшееся для застенных владений Цинской династии. При этом данное уложение в дальнейшем неоднократно изменялось и дополнялось, издавались новые законодательные акты юридического характера, не всегда согласовывавшиеся с ранее установленными нормами. И так как никакой кодификации не производилось, то в результате получался все усиливавшийся хаос. Помимо писанного маньчжурокитайского права, в Монголии продолжало действовать и неписаное местное обычное право. Оба права перемешивались и давали своеобразную амальгаму. Так обстояли дела вплоть до переворота 1911–1912 гг.» [Майский 1959: 233–234].

Все деловые сделки (купля-продажа, мена и т. д.) совершались в Монголии в устной форме, без каких-либо документов. Арендных отношений среди монголов не было, а для иностранцев они регулировались международными соглашениями и обычно оформлялись документально. Таких договоров, как заклад и поставка, монгольское право не знало. Займы заключались большей частью устно, и только перед революцией их начинали совершать либо при свидетелях, либо с составлением расписок [Майский 1959: 244].

После отделения от Китая Внешняя Монголия решила установить собственную нормативную правовую систему. Для этого ее правительство сформировало специальную комиссию по составлению свода законов. В 1919 г. комиссия закончила работу. Новый свод законов включал в себя 64 тома. Во время пребывания «нашей

экспедиции в Урге было издано всего лишь 8 томов. Во всяком случае, в жизни продолжала действовать амальгама маньчжуро-китайско-монгольского права» [Майский 1959: 234]. Можно предположить, что исследуемое соглашение было составлено комиссией, занимавшейся сводом законов.

В 1922–1924 гг. правительство Народной Монголии разработало несколько важных юридических документов. Во-первых, это «Устав распределения земли местным монголам и монгольским племенам», по которому при распределении земли учитывались возможности владельца, и устанавливалось правило для пахотных земель, согласно которому распределенная земля не должна пустовать и владелец в любом случае обязан обрабатывать хотя бы треть данного участка. Во-вторых, это «Устав по сбору арендной платы у иностранных граждан за эксплуатацию пастбищ». В-третьих, это «Устав по сбору арендной платы у иностранцев за эксплуатацию пахотной земли». В-четвертых, это «Устав по распределению земли для строительства жилья». В-пятых, это «Устав по аренде земли иностранными гражданами для строительства жилья». В-шестых, это «Устав монголов по пахотным землям» [Турдалай 2018: 47]. Таким образом, можно предположить, что рассматриваемое соглашение, возможно, стало основой для вышеперечисленных юридических документов.

«Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими гражданами, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии» (*ᠶᠠᠳᠠᠳᠠᠭᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯ-ᠤᠨ ᠻᠢᠭᠠᠷ-ᠤᠨ ᠳᠣᠲᠦᠷ-ᠠ ᠴᠠᠳᠠᠯᠳᠦᠭᠠᠨ ᠪᠠ: үйледбүри-йин учир-а сайуу орос-ун қарияту нарду орун байыising байыулqu keseg ʻaᠭᠠᠷ түрийесүлен олуqu учир kelelčen тоᠶтаᠭᠠᠷсан ger-e bičig*) хранится в ЦВРК ИМБТ СО РАН под шифром БМ 420 в личном архиве П. Б. Балданжапова. Данный источник напечатан типографическим способом на классической монгольской письменности, текст расположен в виде двух вертикальных колонок на 17 листах (с одной стороны), сложенных вдвое и прошитых по левому краю, размер листов в развернутом виде – 26,5 x 26 см,

размер текста 10 х 18 см. Документ напечатан на китайской тонкой прозрачной бумаге, цвет бумаги светло-желтый с вкраплениями растительных волокон, края листов неровные.

Текст соглашения состоит из преамбулы, основного раздела из десяти пунктов и приложения к нему в виде переписки между Генеральным консульством Российского государства и правительством Монголии о согласовании отдельных пунктов соглашения. В преамбуле на л. 2 поясняется, что данное соглашение составлено в соответствии с пунктом 6 Протокола о торговле между Россией и Монголией, подписанного 21 октября 1912 г. Согласно данному документу, все граждане Российской империи, находящиеся по торгово-промышленным делам, помимо прочих прав имеют право на покупку и аренду участков земли для строительства домов, складов и лавок во всех городах, хошунах и пограничных районах Внешней Монголии, поэтому согласован вопрос о выделении российским гражданам земельных участков под застройку на территории Автономной Внешней Монголии в 10 пунктах. Далее в преамбуле говорится, что полномочия российского правительства представляет Генконсул А. А. Орлов – статский советник консульства Российской империи в Нийслэл-хурэ (ныне г. Улан-Батор), Внешнюю Монголию представляет министр иностранных дел, хичээнгуй гун Цэрэндорж и другие уполномоченные лица [Цыренова 2021].

Основной раздел из десяти пунктов включает широкий круг сведений, а именно процедура получения документов на право аренды земельных участков; перечень земельных участков Монголии, разделенных на ряд категорий; указание минимального размера арендной платы по категориям земли, даты проведения аукционов (четыре раза в год) – 1 января, 1 апреля, 1 июня и 1 октября, а также пояснение по вопросу о покупке земельных участков в собственность; разъяснение по участкам, арендованным в период с 21 октября 1912 г. до момента заключения данного соглашения, т.е. до 25 марта 1917 г.; о датах внесения арендной платы за земельные участки; указания о стандартном сроке

сдачи участков в аренду – 25 лет, переводе их из одной категории в другую в зависимости от экономической ситуации, об изменении стоимости арендной платы за участок, в случае несогласия с новыми расценками по стоимости, в случае прекращения прав аренды на земли до окончания срока аренды (25 лет); о переходе права аренды на земельный участок после истечения срока аренды через 25 лет; о переходе права аренды от арендатора третьему лицу на весь земельный участок или его часть; о санкциях в случае самовольного расширения площади земельного участка по сравнению с площадью, указанной по документам; уведомление о том, что данное соглашение составлено на русском и монгольском языках в двух экземплярах, которые имеют одинаковую юридическую силу.

Например, в пункте 2 приведены соответствия системы монгольских и русских земельных мер площади для точного измерения арендуемых участков, что заслуживает отдельного рассмотрения. А также сказано о необходимости разделения участков на три категории в районах Нийслэл-Хурэ, Маймай-хото¹, Улястай, Кобдо, Ван-Хурэ, Цзаин-Шаби, Уланком и монгольской территории Кяхты. Участки высшей категории – это улицы, ставшие центром торговли, большие широкие (*yeke jégeli*) улицы, переулки (хутун). Участки средней категории – переулки города и улицы, примыкающие к торговой улице и т.д.

Что касается хошунов и земель, на которых расположены караулы, то они разделены в Соглашении на две категории: высшей категорией земель считать земли около караулов (*qarayul-un jerge yaĵar*) хошуна, а территории расположения торговых лавок около храмов и хурээ, а также остальные более отдаленные участки следует отнести к низшей категории. Территорию для мойки шерсти на берегу реки следует разделить на две категории: высшая категория – места для жилья и участки для постройки склада; низшая категория – места для скважин, столбы для просушки и мойки шерсти.

¹ Маймайчэн 买卖城 – торговый город.

Соглашение заканчивается на л. 10 указанием даты подписания документа: «От 25 марта 1917 г., 15 числа среднего месяца весны, 7-го года Многими возведенного утверждено в Нийслэл-Хурэ Монголии» (*oros-un nigen mingyan yisün jayun arban doluduyar on marta sarayin qorin tabun: mongyol-un olan-a ergügdegsen-ü doluduyar on qaburun dumdadu sarayin arban tabun: mongyol-un neyislel küriyen-e toytayabai*). Отсутствие подписей представителей двух сторон не дает возможности определить факт официального подписания данного соглашения.

Далее на л. 10–17 дается приложение, в котором содержится четыре письма на классическом монгольском языке с монгольским грифом «секретно» (*монг. niyuča*). Первое письмо было отправлено российским Генконсулом правительству Монголии, в нем даны пояснения о земельных участках, находившихся в собственности и аренде у российских граждан до заключения торгового протокола 21 октября 1912 г. В конце каждого входящего и исходящего письма проставлены даты в соответствии с летосчислением страны-отправителя. При этом все четыре письма датированы одной датой, т. е. 25.03.1917 г. и от 15 числа среднего месяца весны, 7-го года Многими возведенного. Из этого факта следует, что данная дата, скорее всего, относится к моменту перевода данных писем на монгольский язык, а не к моменту составления оригинала письма [Цыренова 2021: 76–77].

Таким образом, международная переписка раскрывает целый ряд особенностей составления данного межгосударственного дипломатического документа. Большой интерес представляет информация о ранжировании земельных участков в Монголии, предназначенных для аренды российскими купцами и промышленниками. Исходя из анализа конкретно-исторических фактов и содержания самого договора выявлено, что инициатором данного переговорного процесса выступала Российская империя в лице своего консульства в г. Урга.

Источник

yadaγadu mongγol-un 1917 – yadaγadu mongγol-un kijayar-un dotur-a qudalduyan ba: üiledbüri-yin uċir-a saγuqi oros-un qariyatu-nar-du orun bayising bayiγulqu keseg yaċar türiyesülen olyuqi uċir kelelċen toγtaγaγsan ger-e biċig (Внешняя Монголия 1917 – Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими подданными, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архив П. Б. Балданжапова. БМ 420. 34 с.

Литература

Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. как начало дипломатических отношений двух стран // Россия–Монголия: 100 лет вместе: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 18–33.

Майский И. М. Монголия накануне революции. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 310 с.

Старцев А. В. Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2015. С. 143–180.

Турдалай Р. С. Правовое регулирование земельных отношений в Монголии (1921–1934 гг.) // Экономический вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2018. № 6. С. 45–51.

Цыренова Н. Д. Об одном архивном документе 1917 года по истории взаимоотношений между российским генеральным консульством в Монголии и правительством Богдо-гэгэна // Монголоведение (Монгол судлал). 2021. Т. 13. № 1. С. 68–84.

Интернет-ресурс

Монгол улсын хууль газрын тухай // Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем <https://legalinfo.mn/mn/detail/216> (дата обращения: 01.12.2021).

Российско-монгольское сотрудничество в многосторонних инфраструктурных форматах

Воронцов Александр Валентинович

Институт востоковедения РАН

Аннотация: Монголо-российско-китайское взаимодействие, в том числе, по развитию и укреплению потенциалов инфраструктурных транспортных коридоров, ведется на плановой системной основе, постоянно находится в центре внимания высшего руководства трех стран. При этом важно постоянно учитывать, что данная трехсторонняя программа реализуется не в «безвоздушном пространстве», а в плотной конкурентной среде взаимодействия с многочисленными региональными инициативами, выдвинутыми другими нашими близкими и дальними соседями. Поэтому целесообразно кратко рассмотреть основные глобальные экономические инициативы, плотной сеткой накладывающиеся на регион нашего изучения. Приходится учитывать и реальность того, что на фоне роста напряженности в мире в настоящее время, Запад все чаще стал выдвигать региональные проекты, в которых цели экономического развития по сути все больше становятся прикрытием главного военно-стратегического содержания, направленного, прежде всего, на сдерживание Китая и России. Однако, невзирая на вышеупомянутые осложняющие факторы и рост рисков, экономическая активность в сердце Евразии продолжает динамично развиваться. Поэтому трехстороннее российско-монгольское сотрудничество в инфраструктурных форматах имеет благоприятные шансы для дальнейшего расширения и прогресса.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, транспортные коридоры, трёхсторонние инфраструктурные проекты, сотрудничество.

Russian-Mongolian cooperation in multilateral infrastructure formats

Alexander V. VORONTSOV

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Abstract: Mongolia-Russia-China cooperation, including the development and strengthening of infrastructure transport corridors, is conducted on a planned

systemic basis and is constantly in the focus of attention of the top leadership of the three countries. It is important to keep in mind that this trilateral program is not being implemented in an «airless space,» but in a dense competitive environment of interaction with numerous regional initiatives put forward by our other close and distant neighbors. Therefore, it is appropriate to briefly review the main global economic initiatives, which are closely meshed with the region of our study. We also have to take into account the reality that against the backdrop of current growing tensions in the world, the West has increasingly put forward regional projects in which the goals of economic development are essentially becoming more and more a cover for the main military-strategic content, aimed primarily at deterring China and Russia. However, despite the above-mentioned complicating factors and growing risks, economic activity in the heart of Eurasia continues to develop dynamically. Therefore, trilateral Russian-Mongolian cooperation in infrastructure formats has a favorable chance for further expansion and progress.

Key words: Russia, Mongolia, China, transport corridors, trilateral infrastructure projects, cooperation.

Традиционное сотрудничество между Россией и Монголией последовательно развивается на долгосрочной основе в многообразных формах и сферах. Однако в современном все более глобализирующемся мире разнообразные, динамично умножающиеся многосторонние форматы взаимодействия становятся все более распространенным, чуть ли не доминирующим вектором экономического роста. Не все из многочисленных экономических структур оказываются успешными и долговечными, но тенденция к многосторонней кооперации очевидна. Данный тезис в полной мере относится и к Евразийскому материку в целом, и к его регионам Центральной и Северо-Восточной Азии, в частности.

Таким образом, успешно развивающееся, устремленное в будущее трехстороннее экономическое сотрудничество между Россией, Монголией и Китаем в полной мере отвечает вызовам современной экономики. Осуществляется оно в разнообразных формах на различных уровнях, на многочисленных региональных площадках. В качестве одного из свежих примеров уместно назвать успешное проведение 28 апреля 2022 г. очередного заседания Ассоциации региональных правительств Северо-Восточной Азии (NEAR), посвященное в этот раз вопросам сотрудничества в сфере сельского хозяйства,

состоявшегося в штаб-квартире этой, известной с 1996 г., международной организации, расположенной в южнокорейском городе Пхохан. В нем приняли участие 250 представителей. Больше всего (88) было участников из самой РК. Но! Среди «внекорейских» делегатов на первом месте оказалась Монголия (53 человека из 20 региональных администраций, включая губернатора аймака Гоби-Алтай и вице-губернаторов еще двух провинций), на втором месте – Россия (21 человек – 11 региональных администраций), на третьем месте – Китай (20 человек – 10 регионов) [Final Report on 2022 NEAR, <http://www.neargov.org>].

Монголо-российско-китайское взаимодействие, в том числе по стимулированию укрепления инфраструктурных транспортных потенциалов, ведется на плановой системной основе, постоянно находится в центре внимания высшего руководства трех стран. Подтверждением этому может служить, в том числе, комплексная «Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия», подписанная в июне 2016 г. [<https://economy.gov.ru/material>]. Данная программа сформирована на основе Меморандума о взаимопонимании между РФ, КНР и Монголией, подписанного главами трех государств в Уфе в июле 2015 г. Ее реализация рассчитана на пять лет. Уполномоченными органами, ответственными за ее реализацию назначены: с российской стороны – министерство экономического развития РФ; с монгольской стороны – МИД Монголии; с китайской стороны – Государственный комитет КНР по развитию и реформе. При этом в документе подчеркивалось, что вся концепция данной программы формировалась с учетом сопряжения строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути, а также инициативы «Степной путь».

Таким образом, формально сегодня имеются основания подводить итог исполнения широкого списка проектов, прописанных в указанном документе. Но, на наш взгляд, прежде чем это делать, имеет смысл принять во внимание тот факт, что данная трехсторонняя программа реализовывалась не в «безвоздушном

пространстве», а в плотной конкурентной среде взаимодействия с многочисленными региональными инициативами, выдвинутыми другими нашими близкими и дальними соседями.

Поэтому видится целесообразным представить хотя бы очень краткий обзор основных глобальных экономических инициатив, охватывающих регион нашего изучения.

В научной литературе уже достаточно хорошо изучены и продолжают изучаться следующие широкоформатные проекты регионального сотрудничества.

1). Китайский глобальный проект «Экономического пояса шелкового пути». В последней нынешней редакции, получивший название «Пояс и путь», озвученный впервые в 2013 г.

2). Российская инициатива Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Договор вступил в силу с 1 января 2015 г. Известно, что главы РФ и КНР договорились о необходимости сопряжения этих двух проектов.

3). Инициатива «Степной путь», выдвинутая Монголией, предлагает создание 5 транзитных транспортных и энергетических коридоров из России в Китай через территорию Монголии.

4). Транс-тихоокеанское партнерство, получившее при администрации Б. Обамы настоящую «возгонку», но в которое потом сами США так и не вступили. Напомним, что тогда глава Белого дома безапелляционно объяснил главное призвание и задачу ТТП. Он директивно утверждал: «Америка должна писать правила. Америка должна командовать. Другие страны должны играть по правилам, определенным Америкой и нашими партнерами, а не наоборот. ...Изменился мир. Правила меняются вместе с ней. США, а не страны вроде Китая, должны писать их» [President Obama: <https://www.washingtonpost.com>].

5). Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), подписанное в ноябре 2020 г., вступившее в силу с 1 января 2022 г., включающее в себя 15 стран АСЕАН и пять региональных партнеров с негласным лидерством Китая.

6). «Партнерство за качественную инфраструктуру», выдвинутое Японией в 2015 г.

7). Южнокорейские инициативы:

– Президент РК Пак Кын Хе выдвинула «Евразийскую инициативу» в 2013 г.

– Следующий президент Южной Кореи Мун Чже Ин пытался продвигать на материке более конкретную программу «Восточно-азиатского железнодорожного и экономического сообщества», продекларированную в 2018 г.

Вышеперечисленные проекты, хотя, естественно, и конкурировали между собой, все-таки были прежде всего ориентированы на экономическое сотрудничество.

Но по мере нарастания напряженности в мире, стимулированной прежде всего стремлением Вашингтона удержать любой ценой свое ускользающее лидерство в мире и регионе АТР и остановить неукротимое возвышение Китая, все чаще Западом стали выдвигаться региональные проекты, в которых цели экономического развития по сути все больше становились прикрытием главного военно-стратегического содержания, направленного на сдерживание Китая и России. Одним из отражений данного феномена стал пересмотр доктринальных документов США, обнародованных в январе 2019 г., в которых КНР и РФ были названы главными противниками.

Прошедшие два года подтверждают, что данная тенденция динамично нарастает.

8). В итоге в 2020 г. оформился «четырехсторонний диалог по безопасности» (QUAD) по проблемам Индо-Тихоокеанского региона. Символично, что само переименование Вашингтоном названия региона из АТР в Индо-Тихоокеанский началось с переименования в 2018 г. Тихоокеанского командования ВС США в Индо-Тихоокеанское с соответствующим расширением зоны его ответственности. Участниками QUAD стали США, Япония, Австралия, Индия.

9). АУКУС (AUKUS) – трехсторонний военный союз, сформированный Австралией, Великобританией и США в сентябре

2021 г. Это явление стало ярким отражением того, что продолжающиеся усилия США по сдерживанию Китая и России также стали принимать все более откровенные милитаризованные формы. Естественно, для объяснения появления нового теперь еще и «чисто англосаксонского» военного альянса в регионе была сказана масса дипломатически корректных тезисов. Но многоопытные эксперты «Атлантического совета» в Вашингтоне высказались на этот счет предельно откровенно и цинично. В статье «Как потопить флот за три дня» заместитель директора Атлантического Совета, бывший высокопоставленный сотрудник департамента разведки министерства обороны США Мэтью Крониг подчеркнул: «Чтобы сдерживать китайскую военную агрессию, Вашингтону и его союзникам нужна способность потопить китайский флот за семьдесят два часа. Ударные подводные лодки, которые мы помогаем строить Австралии, созданы специально для уничтожения вражеских военных кораблей. Это именно те возможности, которые нам нужны в Индо-Тихоокеанском регионе для укрепления сдерживания и обороны против Китая» [<https://staging.taktikz.com/experts-react>].

Напомним, среди многочисленных маршрутов Китайского проекта «Пояс и путь», добившегося в своем развитии за последние годы внушительного прогресса и напугавшего Запад реальностью смены лидера в Евразийском регионе, как минимум, три являются «морскими». И именно на них АУКУС призван поставить «жирный крест».

10). «Индо-Тихоокеанская экономическая основа для процветания». Поскольку эта глобальная структура была создана всего несколько месяцев назад, 23 мая 2022 г., представляется уместным представить ее несколько шире.

Как известно, в ходе саммита QUAD в Токио 23 мая 2022 г. был создан новый региональный экономический механизм под сокращенным названием IPEF – Indo-Pacific-Economic Framework for Prosperity – «Индо-Тихоокеанский регион – Экономическая основа для процветания» [FACT SHEET: <https://www.whitehouse.gov>].

Обратило на себя внимание, что в этом событии активное участие принял и недавно избранный президент Южной Кореи Юн Сок Ёль.

В этой связи ряд южнокорейских экспертов сейчас утверждают, что «Главной победой Байдена стало активное участие Южной Кореи в Индо-Тихоокеанском экономическом механизме (IPEF), который подвергался критике за расплывчатость и отсутствие торговой повестки дня. Благодаря тому, что Южная Корея твердо придерживается соглашения, IPEF стал более реальным» [Chad O'Carroll, Jeongmin Kim. <https://www.nknews.org>].

Конечно, потребуется время, чтобы понять, что это такое – IPEF – новая широкая региональная организация, которая только начинает формироваться. Нельзя исключать и того, что со временем из нее что-либо серьезного не получится.

Что на сегодня совершенно ясно и очевидно, это то, что для Вашингтона главная задача – превратить ее в серьезный инструмент для сдерживания экономического роста Китая в Азии и подрыва экономического влияния КНР в мире. Создать свои (без Китая) линии цепочек поставок, высоких технологий, в том числе в сфере зеленой энергетики и т.д. Но выделяемые на это 50 млрд долл. – это очень мало, что наводит на мысль, если не о декларативности, то слабой проработанности этой идеи.

Для сравнения отметим гораздо более деловой и конкретный подход Китая в похожей ситуации. Напомним, что при провозглашении КНР глобальной инициативы «Пояс и Путь» был сразу создан финансовый орган – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с очень внушительными ресурсами, который поэтому сразу стал весьма привлекательным для многих, даже не очень дружественных Китаю стран. Его официальный капитал составил 100 млрд долларов и по состоянию на 19 декабря 2018 года всего 93 страны мира вошли в состав АБИИ [У Азиатского банка... <http://russian.people.com.cn>].

Вместе с этим очевидно, что IPEF – это попытка взять реванш за экономические победы Китая последних лет.

Главная ее функциональная задача – превратить IPEF в противовес созданному в 2020 г. 15-ю странами АСЕАН и пятью региональным партнерами – Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (RCEP, по-русски – ВРЭП), которое считалось крупнейшим соглашением о свободной торговле в истории. RCEP, а также Соглашение о всеобъемлющем и прогрессивном Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП), которое было заключено в 2018 г. и в котором также доминируют страны из Восточной Азии.

Это был результат многолетней профессиональной работы, прежде всего Китая и Японии, которые и стали локомотивами этого регионального объединения. И, конечно, это была прежде всего победа Китая. RCEP, который часто неформально называют «под руководством Китая», является также триумфом дипломатии средней державы АСЕАН.

Это с серьезной тревогой восприняли США и Индия, когда ее возглавил Н. Модди. Индия и США участвовали в предварительных этапах подготовки данных хозяйственных структур и должны были стать членами RCEP и СРТПП, соответственно, но вышли из них при правительствах Н. Модди и Д. Трампа. В нынешнем виде эти соглашения активно стимулируют интеграцию внутри Восточной Азии вокруг Китая и Японии.

Поэтому Дж. Байден, разыгрывая региональные амбиции Индии и личные особенности ее премьера Н. Модди, попытался создать некую региональную альтернативу RCEP.

Но аргументы, которые авторы идеи приводят в свою пользу, не вызывают доверия. Например, они утверждают, что «Индо-Тихоокеанская экономическая основа процветания» «превзойдет» Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство как по численности населения, так и по валовому внутреннему продукту. Единственными членами RCEP, не включенными в IPEF, являются Китай, Камбоджа, Лаос и Мьянма, а членами, не входящими в RCEP, – США, Индия и Фиджи. Подобная формальная констатация не представляется нам убедительной.

Более серьезным вызовом представляются конкретные задачи, которые Вашингтон намерен включить в IPEF. Там подчеркивают, что Индо-тихоокеанская экономическая программа (IPEF) под руководством США является альтернативой многосторонним механизмам сотрудничества, таким как Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (RCEP) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР), в которых участвует Китай. Основная цель США – расширить цепочку поставок за счет экономической солидарности с союзниками, исключая Китай. В том числе с опорой на IPEF – выиграть конфликт в цепочке поставок аккумуляторных батарей между США и Китаем с помощью Южной Кореи (поскольку в этом критически важно для будущего автомобилестроения бизнесе Китай – признанный лидер, а во всем остальном мире только РК обладает соответствующими технологиями).

В рамках американо-китайской войны в цепочке поставок аккумуляторов американские автопроизводители расширяют свой технологический альянс и осуществляют совместные инвестиции с тремя южнокорейскими производителями аккумуляторов, потому что, помимо Китая, Южная Корея является единственной страной, имеющей опыт и возможности для массового производства аккумуляторов [Tae-Nyen Kim. <http://www.keaf.org/>].

Соединенным Штатам необходимо перебалансировать свои стратегии в области экономики и безопасности, чтобы продвигать не только собственные экономические интересы, но и цели в области безопасности особенно в современную эпоху обострившихся международной конкуренции и политического противостояния.

И IPEF – попытка создать экономическую подпорку для новых военно-политических структур под руководством США в регионе.

События последних месяцев подтверждают, что маршруты по морю и в целом за пределами материка Евразии для реализации программы «Пояс и путь» и других программ экономического сотрудничества в АТР становятся все более и более рискованными для Китая. А для России после начала ограниченной

военной операции на Украине Запад полностью заблокировал торгово-экономическую деятельность с использованием морских коммуникаций.

Следовательно, для России, Китая и Монголии в сложившихся условиях ценность и важность сухопутных инфраструктурных коридоров, проработанных еще в упомянутой Программе, принятой в 2016 г., объективно возросли еще больше. И наши страны уверенно идут по пути их реализации.

Маршруты эти многообразны. Они, в том числе, в полной мере учитывают потребность Монголии (которая к тому же не является объектом западных санкций) к выходу к морю. И маршруты, которые подробно представлены ниже, подтверждают стремление Москвы и Пекина обеспечить выход монгольских товаров к морским портам России (Находка, Зарубино, Посыет) и Китая (Тяньцзинь, Далянь).

Программа в разделе «Транспортная инфраструктура» выделяла следующие приоритетные цели [<https://economy.gov.ru/material>].

Модернизация и развитие в отношении первого из обширного списка маршрута поставлена задача – «модернизация и развитие».

- 1). Центральный железнодорожный коридор: Улан-Удэ – Наушки – Сухэ-Батор – Замын-Удэ – Эрлянь – Уланчаб – Чжанцзякоу – Пекин – Тяньцзинь.

Для последующих магистральных коридоров определены задачи иного уровня – «изучить и при признании экономической целесообразности начать реализацию».

- 2). Проект Северного железнодорожного коридора: Курагино – Кызыл – Цаган толгой – Арц сурь – Овот – Эрдэнэт – Салхит – Эрлянь – Уланчаб – Чжанцзякоу – Пекин – Тяньцзинь.
- 3). Западный железнодорожный коридор: Курагино–Цаган толгой–Кобдо–Такешкен–Урумчи.

- 4). Восточный железнодорожный коридор: Борзя – Соловьевск – Чойбалсан – Хут – Шилин-гол – Чифен – Чаоян – Цзиньжоу.
- 5). Расширение «Туманганского транспортного коридора» (Приморье-2): Чойбалсан – Сумбэр-Аршань – Улан-Хото – Чаньчунь – Яньцзи – Хунчунь – Зарубино.
- 6). Расширение железнодорожного транспортного коридора «Приморье-1»: Чойбалсан – Сумбэр-Аршань – Маньчжурия – Цицикар – Харбин – Муданьцзян – Суйфэньхэ – Владивосток – Находка.
- 7). Изучение перспектив строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Пекин через территорию Монголии. Предусматривается также активное использование и других сухопутных транспортных ресурсов.
- 8). Интенсивное использование в транзитных перевозках маршрута АН-3 сети Азиатских автодорог: Улан-Удэ – Кяхта/Алтанбулаг – Дархан – Улан-Батор – Сайншанд – Эрлянь – Внешний Пекин – Тяньцзинь.
- 9). Строительство и интенсивное использование в транзитных перевозках маршрута АН-4 сети Азиатских автодорог: Новосибирск – Барнаул – Горно-Алтайск – Ташанта/Уланбайшит – Ховд – Ярантай/Такешкен – Урумчи.
- 10). Более активное создание телекоммуникационной инфраструктуры, создание площадок обеспечения безопасности и управления технологическими процессами транзитных транспортных коридоров по направлению Улан-Удэ – Кяхта – Дархан – Улан-Батор – Сайншанд – Эрлянь – Уланчаб – Пекин – Тяньцзинь.

Для ускорения решения этих амбициозных задач предусмотрены многочисленные мероприятия, в том числе: совершенствование технического оснащения, гармонизации комплекса процедур для развития пунктов пропуска через государственную границу трех стран, пунктов таможенного досмотра, в том числе,

о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении отдельных видов товаров и др.

В заключении мы имеем основания подчеркнуть, что, невзирая на обострение общей напряженности в мире, отношений между Москвой и Пекином с одной стороны, и коллективным Западом – с другой стороны, экономическая активность в сердце Евразии продолжает динамично развиваться. Поэтому трехстороннее российско-монгольско-китайское сотрудничество в инфраструктурных форматах имеет благоприятные шансы для дальнейшего расширения и прогресса. Практика текущего (2022) года в условиях ослабления пандемии коронавируса в полной мере подтверждает заключительный вывод статьи. Эксперты на местах отмечают резкий рост деловой активности в рамках изучаемых проектов, удвоение за последний год объемов грузоперевозок по рассматриваемым транзитным коридорам, особенно автоперевозок по вышеупомянутым автодорогам АН-3 и АН-4.

Интернет-ресурсы

Программа создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия. 2016 г. URL: https://economy.gov.ru/material/file/80c240c6a439ba99e9b254fa9254317f/programma_ekonomicheskogo_koridora_kitay_mongoliya_rossiya.pdf (дата обращения 01.06.2022).

У Азиатского банка инфраструктурных инвестиций появился «основной закон», 30.06.2015 URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0630/c95181-8913432.html> (дата обращения 27.05.2022).

Chad O'Carroll, Jeongmin Kim. Expert roundup: What did the US and South Korea achieve at their latest summit? May 23, 2022. URL: <https://www.nknews.org/pro/expert-roundup-what-did-the-us-and-south-korea-achieve-at-their-latest-summit/> (дата обращения 25.05.2022).

Experts React: The US, UK, and Australia Struck a Nuclear Submarine Deal. What Does It Mean? Posted September 15, 2021. URL: <https://staging.taktikz.com/experts-react-the-us-uk-and-australia-struck-a-nuclear-submarine-deal-what-does-it-mean/> (дата обращения 01.10.2021)/

FACT SHEET: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. May 23, 2022. Statements and Releases URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (дата обращения 27.05.2022).

Final Report on 2022 NEAR International Forum. May 2022. The Secretariat of the Association of North East Asia Regional Governments. 2022 NEAR FORUM FINAL REPORT.pdf. URL: http://www.neargov.org/en/page.jsp?mnu_uid=3165& (дата обращения 01.06.2022).

President Obama: The TPP would let America, not China, lead the way on global trade, May 2, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html (дата обращения 10.06.2021).

Tae-Nyen Kim. The US-China Technology War, Battery Supply Chains and South Korea's National Interests. EAF PD No.179 (May 31st, 2022). URL: http://www.keaf.org/book/EAF_Policy_Debate_The_US-China_Technology_War_Battery_Supply_Chains_and_South_Koreas_National_Interests?ckattempt=1 (дата обращения 01.06.2022).

Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства (история и современность)

Батунаев Эдуард Владимирович

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Аннотация: Статья посвящена анализу широкого спектра российско-монгольских отношений от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства. Исторически российско-монгольские отношения имели давнюю многовековую историю дружбы и добрососедства, взаимопомощи, торгово-экономических связей. В начале XX в. Россия оказала помощь и поддержку в обретении независимости Монголии и стала гарантом сохранения ее государственности. Советский Союз оказывал всестороннюю помощь братской Монголии в укреплении обороноспособности, создании материально-технической базы, развитии здравоохранения, образования, науки и культуры. Одним из самых ярких, знаковых событий нашей общей истории стал совместные победы над японскими войсками на реке Халхин-Гол в 1939 г. и в Маньчжурской операции в 1945 г. Победа на Халхин-Голе имела большое военно-политическое значение. Военные действия способствовали укреплению национального суверенитета МНР и формированию в стране настроений в пользу создания сильного самостоятельного государства на новой социальной основе. В годы Великой Отечественной войны Монголия, следуя союзническому долгу, оказала большую материальную помощь и моральную поддержку Красной Армии и Советскому государству. Новый этап в российско-монгольских взаимоотношениях начался с 1990-х гг. после распада СССР и социалистической системы. Россия и Монголия стали руководствоваться в своих отношениях принципами уважения суверенитета и независимости, суверенного равенства, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, добрососедства, партнерства и сотрудничества. Россия и Монголия отказались от прежней модели взаимоотношений, на смену им пришлось осознание необходимости сотрудничества на новой основе. Особое внимание на современном этапе уделяется интенсификации и углублению двухсторонних политических, торгово-экономических и других отношений с учетом изменений в международной ситуации в Восточной Азии и в мире в целом. Определены перспективы развития двусторонних отношений на уровне всеобъемлющего стратегического партнерства, формирования и развития нового механизма сотрудничества. Несмотря на то, что российско-монгольские отношения на современном этапе носят многосторонний и комплексный характер, основываются на сотрудничестве

в политической, торгово-экономической, инвестиционной, финансовой, образовательной, научной, военно-технической, культурной сферах, все еще остается немало проблем, которые предстоит решить в ближайшей перспективе. В первую очередь, это касается технической, технологической и инфраструктурной модернизации и повышения экономической эффективности монголо-российского совместного предприятия АО «УБЖД», углубления взаимодействия в сферах энергетики, сельского хозяйства, строительства и торговли нефтью.

Ключевые слова: Россия, Монголия, стратегическое партнерство, приграничное сотрудничество, торгово-экономические отношения

Russian-Mongolian relations: from recession to comprehensive strategic partnership (history and modernity)

Eduard V. Batunaev

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch.

Abstract: The article is devoted to the analysis of a wide range of Russian-Mongolian relations from recession to an all-encompassing strategic partnership. Historically, Russian-Mongolian relations had a long, centuries-old history of friendship and good neighborliness, mutual assistance, and trade and economic ties. At the beginning of the 20th century, Russia provided assistance and support in the acquisition of independence of Mongolia and became the guarantor of the preservation of its statehood. The Soviet Union provided all-round assistance to fraternal Mongolia in strengthening its defense capability, creating a material and technical base, developing health care, education and culture. One of the most striking, significant events in our common history was the joint victory over Japanese troops on the Khalkhin-Gol River in 1939, and in the Manchurian operation of 1945, the victory at Khalkhin Gol was of great military and political significance. The military actions contributed to the strengthening of the national sovereignty of the MPR and the formation of sentiments in the country in favor of the creation of a strong independent state on a new social basis. During the Great Patriotic War, Mongolia, following its allied duty, provided great material assistance and moral support to the Red Army and the Soviet state. A new stage in Russian-Mongolian relations begins in the 1990s, after the collapse of the USSR and the socialist system. It is important to note that Russia and Mongolia were guided in their relations by the principles of respect for sovereignty and independence, sovereign equality, inviolability of borders, territorial integrity, non-interference in internal affairs, good neighborliness, partnership and cooperation. Russia and Mongolia abandoned the previous model of relations, and

were replaced by an awareness of the need for cooperation on a fundamentally new basis. At the present stage, special attention is paid to the intensification and deepening of bilateral political, trade and economic relations, taking into account the changes in the international situation in East Asia and in the world as a whole. The prospects for the development of bilateral relations at the level of a comprehensive strategic partnership, the formation and development of a new mechanism of cooperation have been determined. First of all, concerning technical, technological and infrastructural modernization to increase the economic efficiency of the Mongolian-Russian joint venture JSC Ulaanbaatar Railway, deepening cooperation in the fields of energy, agriculture, construction and oil trade.

Key words: *Russia, Mongolia, strategic partnership, cross-border cooperation, trade and economic relations*

Россия и Монголия имеют давнюю, многовековую историю, верные союзнические и добрососедские отношения, богатый исторический опыт политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений. В 2021 г. отмечается знаменательное событие, посвященное 100-летию монгольской революции 1921 г. и подписания первого советско-монгольского соглашения об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией. Это важное историческое событие в российско/советско-монгольских отношениях. В начале XX в. Россия способствовала обретению независимости Монголии и стала гарантом сохранения ее государственности. Исторически важную роль в русско-монгольской торговле занимали приграничные территории Восточной и Западной Сибири и их центры (Забайкалье, Иркутская губерния, Нерчинский край, районы Саяно-Алтайского нагорья), которые были вовлечены в торгово-экономическую деятельность как центры транзитной торговли и переработки монгольского сырья. Они были тесно интегрированы в торгово-экономические отношения с Монголией и представляли собой своеобразный форпост в дальневосточной политике России и играли важную роль в политическом, экономическом и культурном влиянии России в рассматриваемый период.

Монголия при поддержке и непосредственной помощи СССР в 1921 г. стала первой в истории азиатской страной, вставшей на путь построения социализма. Монголия, выбрав социалистическую

модель общественного развития, прочно вошла в орбиту советского влияния и шла в фарватере ее внешней политики. Монголия стала плацдармом и своеобразной «витриной» для продвижения социалистических идей в страны Востока. СССР оказывал значительную помощь в укреплении экономики, народного хозяйства и обороноспособности молодого монгольского государства. В 1939 г. СССР согласно Протоколу о взаимопомощи 1936 г. оказал военную помощь МНР в отражении японской агрессии и победы на р. Халхин-Гол. Одним из самых ярких, знаковых событий нашей общей истории стала совместная победа над японскими войсками на реке Халхин-Гол. Победа на Халхин-Голе имела большое военно-политическое значение. Военные действия способствовали укреплению национального суверенитета МНР и формированию в стране настроений в пользу создания сильного самостоятельного государства на новой социальной основе [Монголия в борьбе 2019:13].

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Монголия, руководствуясь союзническим долгом, внесла серьезный вклад в победу СССР над фашистской Германией. Страна оказала большую материальную помощь и моральную поддержку Красной Армии и Советскому государству. Всего за годы войны из МНР в СССР было отправлено шесть эшелонов с подарками для советских военнослужащих [Монголия во второй 2017: 8]. Благодаря принципиальной позиции СССР на Ялтинской конференции 1945 г. МНР отстояла национальную независимость. Государственный суверенитет Монголии был подтвержден официально и в советско-китайском соглашении от 14 февраля 1950 г. [Цыбенков 2015: 70]. МНР получила международное признание, стала полноправным членом ООН. В послевоенные годы в МНР при всеобъемлющей поддержке и материальной помощи СССР проходили коренные социалистические преобразования. МНР удалось добиться немалых успехов в развитии экономики, здравоохранения, образования и культуры, подготовки кадров и специалистов для всех отраслей народного хозяйства.

Необходимо отметить, что «отношения нерушимой братской дружбы и всестороннего сотрудничества» несли большую идеологическую нагрузку. С одной стороны, советско-монгольские отношения носили особо тесный, доверительный, союзнический характер. С другой, сложившиеся отношения типа «старший брат – младший брат» привели к сильной, односторонней идеологической, политической и экономической зависимости Монголии от СССР. МНР, принимавшая всестороннюю помощь «старшего брата», вольно или невольно впитывала советскую модель развития, особенно в тяжелой и легкой промышленности, сельском хозяйстве, науке и образовании [Монгольский мир 2017: 101].

На рубеже 1980–1990-х гг. в отношениях между СССР и МНР произошли серьезные изменения. Распад механизма двухстороннего сотрудничества, резкое сокращение объема льготных кредитов, предоставляемых Монголии, нарушение прежних налаженных производственных и торгово-экономических отношений оказали серьезное негативное влияние на весь спектр монголо-российских отношений, в том числе в политической сфере, заметно снизили присутствие России в Монголии [История Монголии 2007: 375]. Новый этап в российско-монгольских взаимоотношениях начинается с 1990-х гг. после распада СССР и социалистической системы. В Монголии происходили события, получившие в современной научной литературе название мирной демократической революции [Родионов 2016: 156]. В Монголии провозглашался переход к рыночной экономике, демократизации общественной жизни, многопартийности, отмене руководящей роли МНРП. Логическим результатом процесса политической демократизации в Монголии стало принятие в 1992 г. новой Конституции Монголии (Монгол Улсын Үндсэн Хууль), которая определила дальнейшее развитие страны.

Началом поворота внешнеполитического курса России в сторону Монголии стало подписание Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. Этот договор стал основополагающим

в правовой системе отношений двух государств в новых исторических условиях. Важно отметить, что Россия и Монголия руководствовались в своих отношениях принципами уважения суверенитета и независимости, суверенного равенства, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, добрососедства, партнёрства и сотрудничества. Таким образом, Россия и Монголия отказались от прежней модели взаимоотношений, на смену им пришло осознание необходимости сотрудничества на принципиально новой основе.

Для координации двустороннего взаимодействия в политике, экономике, социальной и гуманитарной сферах была создана совместная российско-монгольская Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК). Всего с 1992–2019 гг. состоялось 22 заседания МПК, на повестке которых стояли вопросы, связанные с работой совместных предприятий, российской недвижимостью в Монголии, задолженности Монголии по советским кредитам (до конца 2003 г.), сотрудничество в области инфраструктуры и др. [Россия и Монголия 2011: 71].

Россия и Монголия имеют общее видение в вопросах внешней безопасности и международных отношений. Они отражены в таких документах как Концепция внешней политики Монголии (1994, 2011), Концепция национальной безопасности Монголии (1994, 2010), Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997, 2000) и Концепция внешней политики РФ (2000, 2008). Успешно развивая политические отношения с Россией, Монголия стремится последовательно придерживаться самостоятельной, открытой, многоопорной внешней политики. Освободившись от идеологических стереотипов и требований «согласованного внешнеполитического курса стран социалистического содружества», монгольская дипломатия активизировала отношения с США, Японией, ЕС, Республикой Корея, Индией и Турцией. Именно в это время в Монголии появилось новое концептуальное понятие «третий сосед», под которым подразумевались

сначала США, а затем страны Запада, Япония, имеющие значительный вес в мировой политике. В отношениях с ближайшими соседями – Россией и Китаем – Монголия проводит политику равноудаленности, стремится избегать «опасности» оказаться в зависимости от одной из этих великих держав. Однако симпатии многих ведущих политиков Монголии обращены в сторону России [Россия и Монголия 2011: 29].

В Концепции внешней политики РФ было отмечено возрастание значения азиатского направления во внешней политике России. Одной из главных целей внешнеполитического курса России признается «формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, содействию устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах» (КВП РФ.). Эта цель российской внешней политики полностью совпадает с национальными интересами Монголии и является важной гарантией ее национальной безопасности. Россия последовательно поддерживает вступление Монголии в международные организации.

В частности, Россия поддерживает стремление Монголии стать членом Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), а также наладить сотрудничество с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Кроме этого, Монголия является членом многих международных и финансовых организаций: Международного валютного фонда (МВФ), Азиатского банка развития (АБР), Всемирной торговой организации (ВТО), Азиатско-Европейского форума (АСЕАН), Международной таможенной организации (МТО) и др. Монголия имеет статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Вступление Монголии в эти международные организации открывают перед ней возможности для непосредственного участия в глобальном экономическом процессе. Монгольская сторона выразила признательность российской стороне за усилия по утверждению безъядерного

статуса Монголии и расширению международного признания этого статуса [История Монголии 2007: 383].

Монголия в целом стала уделять большое внимание проблемам экологии страны. Совместные научные исследования российских и монгольских ученых показывают ухудшение общей экологической обстановки, особенно в районах разработки месторождений полезных ископаемых [Энхтувшин, Курас, Цыбенков 2013: 16]. В целом изучение проблем экологии и монгольского пастбищного скотоводства занимает важное место в двусторонних научных исследованиях. Так, в 2012 г. учеными Международного института по изучению кочевых цивилизаций (МИИКЦ) и ИМБТ СО РАН был изучен вопрос о необходимости приватизации колодцев и пастбищ [Энхтувшин 2013: 212].

Большое значение в российско-монгольских отношениях имело урегулирование проблемы «большого долга» («их өр»), задолженности Монголии по кредитам бывшего СССР. В конце 2003 г. эта проблема была в основном решена путем списания Россией 98% монгольского долга (свыше 11 млрд долл.), что позволило открыть новые возможности для наращивания всестороннего взаимодействия между двумя странами [Россия и Монголия 2007: 294].

Новая страница в российско-монгольских отношениях была открыта в 2000 г. во время официального визита президента В. В. Путина в Монголию. В ходе переговоров был рассмотрен широкий круг вопросов, касающийся двусторонних отношений и сотрудничества, итогом которого стало подписание Улан-Баторской декларации. В этом важном политическом документе были определены основные направления развития двусторонних отношений между Россией и Монголией, вопросы, представляющие взаимный интерес в международной сфере. Данный документ подтвердил принципы двусторонних отношений, закрепленных Договором 1993 г.

Немалая роль в развитии двусторонних отношений отводится приграничному сотрудничеству Монголии с регионами Сибири. По некоторым данным, здесь наблюдается диспропорция в торгово-экономическом сотрудничестве. Непосредственные соседи

Монголии – Забайкальский край и Республики Бурятия, Тыва, Алтай – уступают пальму первенства экономически развитым сибирским регионам – Иркутской области, Алтайскому и Красноярскому краям [Курас, Цыбенков 2013: 189]. В 2004 г. в Монголии началось строительство свободной торговой зоны «Алтанбулаг», призванной стать центром приграничной российско-монгольской торговли. Построенный на месте легендарного Маймачена XVIII – начала XX вв. «Алтанбулаг» в перспективе может стать полюсом роста национального хозяйства страны и приграничных регионов Сибири [Курас, Цыбенков 2013: 171–172].

Свидетельством высокого уровня политических отношений между Россией и Монголией стала Монгольская декларация, подписанная президентом РФ В. В. Путиным и президентом Монголии Н. Энхбаяром во время его официального визита в Москву в 2006 г. Отношения между странами, подчеркивалось в этом политическом документе, развиваются в духе стратегического партнерства. Таким образом, в Московской декларации 2006 г. впервые после 1990 г. была совместно сформулирована и поставлена масштабная цель – поднять двусторонние отношения на уровень стратегического партнерства. Новым этапом углубления и сотрудничества российско-монгольских отношений стал официальный визит в августе 2009 г. президента РФ Д. А. Медведева для участия в торжествах, посвященных 70-летию победы на Халхин-Голе. Дальнейшее развитие и закрепление магистрального направления развития двустороннего взаимодействия получило в подписанной Декларации о развитии стратегического партнерства между РФ и Монголией. На переговорах между президентом РФ Д. А. Медведевым и президентом Монголии Ц. Элбэгдоржем центральное место заняли экономические вопросы. Были подписаны ряд важных документов: Соглашение между правительством Монголии и России о создании совместной компании с ограниченной ответственностью «Дорнод уран», Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта Монголии и ОАО «РЖД»; Меморандум о взаимодействии между АО «УБЖД» и ОАО «РЖД», ЗАО «Трансмашхолдинг»;

Протокол о сотрудничестве и обмене правовой информацией между Центризбиркомом двух стран [Россия и Монголия 2011: 48]. Особо следует отметить российско-монгольское сотрудничество в области железнодорожного транспорта. Как известно, развитие Центрального железнодорожного коридора Монголии имеет большое значение для развития транспортной инфраструктуры соседних стран – России [Дорж 2019: 103].

Политическое взаимодействие двух стран благоприятствует развитию их сотрудничества в области культуры, науки, образования и гуманитарных связей. Традиционно эта сфера была плодотворной и охватывала широкие слои населения Монголии, интеллигенцию. Важную миссию в развитии двухсторонних и добрососедских отношений выполняют посольство РФ, торговое представительство, генконсульства, представительства российских фирм и организаций в Монголии. В Улан-Баторе успешно функционируют филиалы ряда известных российских вузов. В этой связи следует отметить, что в настоящее время в учебных заведениях РФ обучаются более 2200 монгольских студентов и аспирантов; в 2017 г. квота на обучение в российских вузах увеличена до 260 монгольских студентов в год. [Иностранные 2018: 201]. Подписана программа сотрудничества между Министерством образования, науки, культуры и спорта Монголии и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации на 2018–2020 гг. В деле продвижения русского языка и культуры в Монголии важную роль играет Российский центр науки и культуры («Русский Дом»).

Россия и Монголия имеют исторически тесные связи в области военного сотрудничества. Ежегодно проводятся совместные российско-монгольские военные учения «Дархан» (2008–2010 гг.), «Селенга» (с 2011 г.) В учениях принимают участие более 1000 военнослужащих с обеих сторон и привлечением большого количества единиц боевой техники. Кроме того, Россия оказывает помощь в материально-техническом оснащении монгольских вооруженных сил.

Важным событием в истории российско-монгольских отношений стал официальный визит президента России В. В. Путина в Монголию по приглашению президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в 2014 г. по случаю 75-летия победы советско-монгольских войск на р. Халхин-Гол. В 2015 г. состоялся ответный визит президента Ц. Элбэгдоржа в Москву по приглашению президента РФ В. В. Путина для участия в торжественных мероприятиях, посвященных 70-летию победы в Великой Отечественной войне. По итогам переговоров был подписан пакет документов. Одним из основных пунктов переговоров стали вопросы торгово-экономических отношений, в частности, намерение увеличить внешнеторговый оборот до 10 млрд долл. к 2020 г. Особо следует выделить соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии [Базаров 2015: 77].

В последние годы стало активно развиваться трехстороннее экономическое сотрудничество России, Монголии и Китая. 12 сентября 2014 г. в г. Душанбе на полях XIV саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) состоялась встреча лидеров трех сопредельных государств – России, Монголии и Китая. Стороны собрались по инициативе президента Монголии Ц. Элбэгдоржа для обсуждения проблем взаимодействия, расширения сотрудничества и обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Эта встреча дала новый импульс формирования механизма трехстороннего сотрудничества. В 2015 г. на полях саммита ШОС в Уфе была утверждена «Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Монголией, Китайской Народной Республикой на среднесрочную перспективу».

В 2016 г. в Ташкенте состоялась трехсторонняя встреча лидеров России, Китая, Монголии. По итогам переговоров в присутствии глав государств подписаны Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Соглашение между Федеральной таможенной службой Российской Федерации, Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики и Главным

таможенно-налоговым управлением Монголии о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении отдельных видов товаров.

В настоящее время политические отношения между Россией и Монголией существенно укрепились, встречи на высшем и высоком уровне приобрели регулярный характер, повысилась их результативность, подписан ряд документов долгосрочного, стратегического характера. В 2017 г. на полях Восточного экономического форума состоялась официальная встреча президента РФ В. В. Путина и президента Монголии Х. Баттулги, в 2018 г. на саммите ШОС – встреча президента РФ В. В. Путина и Президента Монголии Х. Баттулги. Обсуждались перспективы развития двусторонних отношений, актуальные региональные и международные проблемы. 3 сентября 2019 г. состоялся официальный визит президента РФ В. В. Путина в Улан-Батор по случаю 80-летия победы над японо-маньчжурскими войсками на р. Халхин-Гол. По итогам визита был подписан бессрочный Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве, который выводит двусторонние отношения на качественно новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства [<https://montsame.mn/ru/read/199582>]. Кроме того, были подписаны 10 важнейших межправительственных соглашений в области борьбы с терроризмом, военно-технической области, энергетики, связи. Необходимо отметить, что в настоящее время Монголия установила стратегическое партнерство с пятью государствами: Россией (в 2006 г.), Японией (в 2010 г.), Китаем (в 2014 г.), Индией (в 2015 г.) и США (в 2019 г.). В тоже время среди них можно выделить приоритетные отношения с Москвой, Пекином и Токио, которых связывают особые экономические и политические связи [http://https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariy/?sphrase_id=34232456].

Таким образом, Монголия на протяжении длительного времени ориентировалась на СССР и социалистическую модель общественного развития. При поддержке и помощи СССР Монголия отстояла

национальную независимость и государственность, добились международного признания, достигла немалых успехов в развитии экономики, социальной сферы и культуры. Кроме того, СССР в советский период выступал главным союзником, защитником, донором, гарантом сохранения независимости и суверенитета Монголии. После распада СССР и социалистической системы произошел существенный кризис российско-монгольских отношений, вызванный как объективными, так и субъективными причинами. Новый этап российско-монгольских отношений начинается с демократическими преобразованиями в обеих странах и началом политического диалога в новых исторических условиях. Современные российско-монгольские отношения развиваются поступательно и имеют тенденцию перехода на качественно новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что существенными препятствиями на пути развития российско-монгольских отношений являются дисбаланс во взаимной торговле, высокие таможенные пошлины и сборы, транспортные расходы, сложные бюрократические процедуры согласования, оформления деловых сделок, прохождения таможенного контроля, различные санитарно-ветеринарные ограничения на ряд монгольских экспортных товаров. Как следствие, многие монгольские бизнесмены предпочитают иметь дело не с российскими, а с китайскими, японскими и западными компаниями. В 2016 г. Госкорпорация «Ростех» продала 49% своих акций в совместных предприятиях «Эрдэнэт» и «Монголросцвет». Возможно, что российская сторона руководствовалась исключительно экономическими причинами, но на наш взгляд, эти меры стали преждевременными, поскольку СП на протяжении длительного времени представляли собой оплот российского экономического присутствия и имели потенциал двухстороннего развития.

Кроме того, Монголия, занимающая важное геополитическое и геостратегическое положение в глубине азиатского континента, превращается в арену открытого и скрытого политического и экономического соперничества между Россией, Китаем,

США, Японией, ЕС, Великобританией, Канадой, Южной Кореей и др. Монголия по запасам природных ресурсов входит в первую десятку стран мира. Между ведущими Транснациональными компаниями (ТНК) англо-австралийской «RioTinto», китайскими «Shenhua», «Chalco», американской «Peabody Energy», японскими «Itochu», «Mitsui», «Mitsubishi», «Sumitomo», «Marubeni» развернулась жесткая конкурентная борьба за сырьевые ресурсы Монголии. Вследствие этого, на наш взгляд, России необходимо перейти во многом от декларативного характера двухсторонних отношений к реальным шагам и интенсифицировать усилия в политической, торгово-экономической, образовательной и культурно-гуманитарных сферах. В настоящее время, в связи с реализацией масштабных торгово-экономических проектов таких как «Один пояс и один путь», реализуемых Китаем, трансграничные территории России и Монголии приобретают важное значение и перспективы для дальнейшего развития. Выгодное географическое положение Монголии и приграничных территорий России, находящихся в центре евразийского материка, позволяют использовать свои преимущества в качестве экономического коридора в транзитных перевозках, строительстве крупных терминалов и «свободных экономических зон».

В настоящее время мировое сообщество столкнулось с последствиями, связанными с глобальным распространением пандемии COVID-19. В связи с этим экономика Монголии, как и других мировых стран, переживает тяжелый период, вызванный вспышкой коронавирусной инфекции и связанными с ней ограничительными мерами. Наиболее пострадавшими от COVID-19 являются малый бизнес, а также предприятия в сфере производства, туризма, торговли, транспорта, строительства и сектора образования. На начальном этапе Монголии удалось локализовать и приостановить процесс развития эпидемии. Данный курс в условиях пандемии позволил стабилизировать социально-экономические показатели в стране, а также на определенном этапе стать примером построения эффективной стратегии на международном уровне.

В июне 2021 г. состоялись очередные выборы президента Монголии, в результате которых победу одержал кандидат от Монгольской народной партии Ухнаагийн Хурэлсух. В своей предвыборной программе президент Монголии У. Хурэлсух выступил за углубление всеобъемлющего стратегического партнерства, развитие торгово-экономических связей, сотрудничества в сфере образования, культуры и национальной безопасности.

16 декабря 2021 г. состоялась встреча президента Монголии Ухнаагийн Хурэлсуха с президентом РФ Владимиром Путиным. В результате переговоров стороны обсудили широкий круг вопросов, касающийся политики, безопасности, обороны, торговли, экономики, культуры, образования и гуманитарного сотрудничества.

Лидеры двух стран обменялись мнениями о возможности углубления взаимодействия в сферах энергетики, сельского хозяйства, строительства и торговли нефтью. Президенты Ухнаагийн Хурэлсух и Владимир Путин сделали заявление для прессы по итогам российско-монгольских переговоров и объявили о принятии Совместной декларации по случаю 100-летия установления дипломатических отношений между Монголией и Российской Федерацией [<https://montsame.mn/ru/read/284419>]. Также были обсуждены вопросы, связанные с проектом газопровода в Китай, который должен пройти через территории Монголии и Республики Бурятия. Уже определены оптимальный маршрут, протяжённость и другие параметры, готовится технико-экономическое обоснование [<https://ulan.mk.ru/economics/2021/12/16/vladimir-putin-upomyanul-proekt-gazoprovoda-v-mongoliyu-cherez-buryatiyu.html>].

Литература

Базаров В. Б. Российско-монгольский политический диалог в постсоветский период // Известия Восточного института. 2015. № 3 (27). С. 73–79.

Грайворонский В. В. Стратегическое партнерство России, Китая и Монголии // Азия и Африка сегодня. 2015. № 8. С. 7–11.

Дорж Т. Роль центрального транспортного коридора Монголии в развитии экономического коридора трех стран // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 1 (33). С. 95–107.

Иностранные студенты, обучавшиеся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в образовательных организациях высшего образования и научных организациях России // Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2018. 694 с.

История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Курас Л. В. Монголия: «Алтанбулаг» – свободная торговая зона // Власть. 2013. № 2. С. 141–144.

Курас Л. В. Регионы Сибири и Монголия: проблемы и перспективы приграничного сотрудничества // Власть. 2013. № 7. С. 188–192.

Курас Л. В. Свободная торговая зона «Алтанбулаг» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 1 (9). С. 159–173.

Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 204 с.

Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора «Миссури». К 80-летию победы на реке Халхин-Гол. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. 156 с.

Монголия во Второй мировой войне. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 224 с.

Родионов В. А. Монголия в конце 1980-х гг.: начало постсоциалистической трансформации // Власть. 2016. Т. 24. № 5. С. 156–160.

Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. М.: ИВ РАН, 2011. 440 с.

Цыбенков Б. Д. Монголия: от статус-кво до юридического признания // Известия Восточного института. 2015. № 3 (27). С. 64–72.

Энхтувшин Б., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников // Власть. 2013. № 10. С. 11–16.

Энхтувшин Б. Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации / Б. Энхтувшин Б. Л. В Курас., Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12). С. 208–223.

Интернет-ресурсы

Ариунбаяр Б. Монголия и Россия подписали новый договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве // Национальное Информационное агентство МОНЦАМЭ // URL: <https://montsame.mn/ru/read/199582> (дата обращения 15.12.2021).

Родионов В. А., Железняков А. С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией» // URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariye/?sphrase_id=34232456 (дата обращения 15.12.2021).

Батцэцэг Г Президент У. Хурэлсух провел переговоры с Президентом России В. В. Путиным // Национальное Информационное агентство МОНЦАМЭ // URL: <https://montsame.mn/ru/read/284419> (дата обращения 17.12.2021).

Владимир Путин упомянул проект газопровода в Монголию через Бурятию // URL: <https://ulan.mk.ru/economics/2021/12/16/vladimir-putin-upomyanul-proekt-gazoprovoda-v-mongoliyu-cherez-buryatiyu.html> (дата обращения 17.12.2021).